

Храм Афродиты

Елена
Арсеньева

СВЯТИЛИЩЕ ЛЮБВИ

Храм Афродиты

Елена Арсеньева
Святилище любви

«Елена Арсеньева»

2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Арсеньева Е. А.

Святилище любви / Е. А. Арсеньева — «Елена Арсеньева»,
2015 — (Храм Афродиты)

ISBN 978-5-699-77146-2

Любовь подобна наваждению, жгучему огню, неизлечимой болезни, безумию!

Именно такая страсть овладела Драконтом Главком, знатным жителем Коринфа, когда на борт его галеры подняли спасенную из волн морских незнакомку. Мучаясь неразделенной любовью, Драконт, самовлюбленный гордец, и представить себе не мог, что он, как и многие другие мужчины, всего лишь веха на пути, которым суждено пройти Никарете из Троицы. А ведет ее этим путём сама Афродита Пандемос, в храм которой Никарете суждено вернуть драгоценную реликвию – и основать знаменитую коринфскую школу гетер. Это первый роман из серии «Храм Афродиты» Ранее книга выходила под названием «Никарета: святилище любви».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-77146-2

© Арсеньева Е. А., 2015
© Елена Арсеньева, 2015

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

37

Елена Арсеньева

Святилище любви

© Арсеньева Е., 2015

© дизайн обложки – Арсеньева Е., 2020.

При оформлении использован фрагмент картины Джона Уильяма Говарда «Обнаженная на берегу». 1895 г.

* * *

*Я, Никарета, пред Афродитой жгу свою прялку,
Юность свою не желая больше в работе губить.
Стану отныне, увидев голову цветом медвяным,
На пирах веселиться и на арфе играть.*

Надпись на ступенях храма Афродиты в Коринфе

Пирей, порт

Теперь нужно было во что бы то ни стало попасть на галеру. Никарета знала, что от этого зависит ее жизнь.

Конечно, зависит! Разве она сможет жить без Янниса? Каждый новый день без него будет начинаться не с рассвета, а с заката, будет погружен во тьму, в нем не останется даже лунного луча – одна сплошная тьма без проблеска счастья и жизни...

Но как пробраться на галеру?! Кто ее пустит? Это грузовое судно, на нем нет ни одного пассажира, который плыл бы в Фессалию. А впрочем, Никарете нечем заплатить за путешествие, у нее нет ни халка, ни даже лепты...¹

Внезапно проснулась тревога. Как же она будет путешествовать? Что есть и пить?..

И тут же на душу вновь снизошло умиротворение. Главное – рядом с ней будет Яннис. Главное – она будет рядом с Яннисом!

Разве не даст он ей глотка воды или куска лепешки? Много ли нужно Никарете, если она сможет видеть Янниса?!

Она даже шторма не испугается, хотя, рассказывают, иногда Посейдон так гневается на мореходов, что топит суда. А случается, все братья-ветры: Борей, Зефир, Нот и Эвр² – улетают веселиться где-то в небесных высях, и в море воцаряется полное безветрие. Воздушные братья уже не помогают мореходам. Гребцы выбиваются из сил, и судно замирает посреди неоглядного моря, залитого палящим солнцем. Кончается запас пресной воды, люди умирают от жажды... Говорят, это очень страшная смерть, но Никарета не испугается даже смерти, если рядом будет Яннис!

Вон он, стоит на корме рядом с другим мореходом – кряжистым, чернобородым. Они считают мешки и корзины, которые тащат с берега носильщики, и размещают груз на палубе.

Но как пробраться к Яннису?

Никарета не понимала, почему не может просто окликнуть возлюбленного с причала. Однако твердо знала, что этого делать нельзя. И при этом она должна быть рядом с ним.

---

¹ Самой крупной денежной единицей в Древней Греции был талант, включавший шестьдесят мин. Одна мина составляла сто драхм, одна драхма – шесть оболов, один обол – шесть халков, один халк – две лепты. (Здесь и далее примеч. автора.)

² Борей – в древнегреческой мифологии ветер северный, Нот – южный, Зефир – западный, Эвр – восточный.

Что же делать?! Если Никарета хотя бы шаг шагнет по мосткам, спущенным с борта на берег, ее сбросят в воду! Да что – ей не дадут даже приблизиться к этим мосткам, ведь женщин на галеры не пускают, разве что шлюх, которых берут для развлечения мореходов.

Но Никарета не шлюха! И она будет принадлежать только Яннису!

Что делать, что же делать?.. Да вот что!

Шмыгнув за груды корзин и мешков, наваленных неподалеку, Никарета сорвала хитон³, сломав дешевенькие карфиты, которыми служили две ржавые булавки с обмазанными глиной головками, свернула ткань вдвое и обмотала вокруг тела, прикрыв грудь. Теперь ее одежда стала наполовину короче, совсем как у грузчиков. Волосы у нее и так острижены, словно у мужчины: афинским рабыням не разрешается ходить с длинными волосами...

В опустевшей памяти мелькнуло воспоминание: какой-то мужчина смотрит на нее ласковыми глазами, гладит по голове и шепчет:

– Я больше не позволю стричь тебе волосы. Они скоро отрастут, моя дивная, чудесная Никарета! Ты будешь танцевать для меня, покрытая лишь этими солнечными волнами! И всякий, кто увидит твои волосы, увидит твое лицо и тело, будет завидовать мне, обладателю этой красоты! И как же буду я счастлив, что владею тобой не как рабыней, а как свободной женщиной! Я отпускаю тебя на волю, и мне все равно, что скажет моя жена!

Чей это голос воскрес в памяти? Мужчину звали Харизий... И еще была женщина, какая-то ужасная женщина по имени Зенэйс, грозная и неумолимая госпожа, столь грозная и неумолимая, словно бы и впрямь обязанная своим происхождением Зевсу...⁴

Нет! Это была самая прекрасная, самая высокочтимая женщина на свете! И, конечно, конечно, она была создана самим Зевсом в миг его наилучшего расположения духа. Разве иначе появилось бы на свет столь совершенное существо?! Жалкая рабыня Никарета не стоила того, чтобы целовать прах под ее сандалиями с лазурными пряжками!

...Почему кажется, что Никарета сама украсила ее сандалии этими красивыми пряжками? Правда, Зенэйс осталась недовольна ее рукоделием и высекла Никарету, крича, что отдаст эти сандалии скотнице, которая ухаживает за свиньями: они, мол, достойны лишь того, чтобы утонуть в вонючем навозе... Однако странно, что в тот последний день, когда Зенэйс объяснила Никарете, что она до безумия влюблена в Янниса и теперь всюду должна следовать за ним, ноги госпожи были обуты в те самые сандалии...

Ах нет, Никарета ничего не может вспомнить и не хочет, не хочет, потому что от воспоминаний болит голова – так болит, что кажется, будто она раскалывается напополам! Одна её часть принадлежит какому-то прошлому, в котором остались Зенэйс и Харизий. Другая всецело связана с Яннисом, с его красотой и статью, с самим звучанием этого имени, с любовью к нему, с желанием быть с ним всегда, не расставаясь ни на мгновение!

...Как хорошо, что Никарета была рабыней. Как хорошо, что у нее острижены волосы! Это ей поможет попасть на галеру!

Никарета потянула из груды мешков один, но даже сдвинуть его с места не смогла. Взялась за другой, полегче на вид, но и тот оказался неподъемным.

– Что делаешь, юнец? – послышался рядом грубый насмешливый голос. – Выбираешь, что полегче нести? Нет уж, коли встал в круг, придется плясать!

А потом на спину Никарете взвалили такой мешок, что у нее сразу подогнулись ноги.

– Ничего, ничего, все мы так начинали! – захохотал тот же голос. – Иди, да ступай пошире, чего семенишь, как девчонка!

Семенишь, как девчонка! О боги, боги!..

---

³ Хитон – нижняя одежда в описываемое время: подобие рубашки из прямоугольного куска ткани. Его складывали пополам по вертикали и скалывали на плечах пряжками – карфитами. Люди состоятельные не позволяли себе выходить из дому в одном хитоне: поверх него надевали гиматий из более дорогой ткани. Без гиматия могли появляться только рабы или бедняки.

⁴ Зенэйс – «порожденная Зевсом» (греч.).

Чудилось, спина вот-вот разлетится на мелкие кусочки, такая это была тяжесть. Ноги сразу подогнулись, и Никарета каждое мгновение ожидала, что они сломаются, как соломинки.

– Ничего, ничего! – крикнули сзади. – Ползи, ползи!

Она поползла...

Другими словами, пожалуй, нельзя было назвать это передвижение мешка сначала по пристани, а затем по мосткам на борт галеры. Никарета считала шаги:

– Один, два... десять... сто... Две сотни... пять...

Можно было досчитать до тысячи, Никарета умела и читать, и считать – этому, как и многому другому, ее научил Харизий, – но она понимала, что не успеет дойти до тысячи, потому что вот-вот спина сломается и тогда ей настанет конец... и только мысль о Яннисе удерживала ее от того, чтобы сбросить невыносимый груз. Ради того, чтобы быть с Яннисом, она подняла бы и два, а то и три таких груза!

«Не зря умные люди уверяют, что все на свете когда-нибудь кончается! – вспомнила Никарета слова госпожи, прозвучавшие вслед девушке, устремившейся в Пирей⁵, где, по словам хозяйки, Никарету нетерпеливо ждал Яннис. – Наконец-то закончатся и мои мучения с тобой, грязная рыжая тварь!»

Зенэйс, как всегда, оказалась права. Все на свете когда-нибудь кончается! Кончился и этот кошмарный путь на галеру.

– Сюда, сюда сваливай мешок! – внезапно приказал кто-то.

Никарета, впрочем, не поняла, что эти слова обращены к ней, и продолжала слабо шевелить ногами, все еще пытаясь куда-то идти, однако когда прозвучало:

– Говорят тебе, сюда, рыжее чучело! Сюда сваливай мешок! – она спохватилась.

«Рыжая тварь», «рыжая дура» или «рыжее чучело» – только так звала ее Зенэйс. Значит, приказ сваливать мешок тоже обращен к Никарете.

Девушка неловко освободилась от груза, но некоторое время стояла, по-прежнему согнувшись крючком, пытаясь унять мучительную боль в спине и дрожь в ногах. Но вот она кое-как разогнулась – и тихо вскрикнула от счастья, потому что прямо перед ней оказался Яннис! И он смотрел на нее – смотрел со странным выражением, которое очень напоминало несказанное изумление.

Что же его удивило? Он ведь ждал Никарету, Зенэйс уверяла, что он считает мгновения, оставшиеся до их встречи! Вот сейчас он кинется к своей любимой и стиснет ее в объятиях!

– А это что еще такое? – озадаченно проговорил Яннис. – С каких пор девки пошли в грузчики?! А ведь это в самом деле девка! Нет, вы только поглядите! Девка! Сиськи наружу!

Никарета опустила глаза и обнаружила, что хитон, который она обмотала вокруг своего тела, уже сполз до пояса, так что ее груди обнажились и торчат с самым вызывающим видом.

– Да не только сиськи! У нее и промеж ног все как у девки! – хохотнул чернобородый мужчина, стоявший рядом с Яннисом, и бесстыдно задрал подол Никареты. – Ты погляди, она и снизу такая же рыженькая, как сверху! Рыженькая, мохнатенькая...

– Яннис... – слабым от счастья голосом выдохнула Никарета, шлепнув чернобородого по руке, которая чересчур осмелела, и одернув подол. – Я искала тебя! Наконец-то мы вместе! Теперь я буду всегда принадлежать тебе!

– А зачем? – озадачился Яннис.

– Потому что я люблю тебя! – радостно сообщила Никарета. – Я люблю тебя и хочу быть твоей женой.

– Превеликие олимпийцы, создатели наши и покровители! – захохотал чернобородый. – Что же это будет, если все девки, которых мимоходом отымел наш Яннис, захотят пойти за

---

⁵ Пирей – портовый город неподалеку от Афин.

него замуж?! Ему придется разорваться на столько частей, сколько пальцев у пятерых мужчин на руках и на ногах, а то и больше!

– Да я ее вообще впервые вижу, – буркнул Яннис. – И могу поклясться Посейдоном и всей его дельфиньей свитой, что не прикасался к ней. Терпеть не могу рыжих, они хитрые, лживые и коварные. Проваливай отсюда, слышишь, ты?

– Яннис... – простионала Никарета, пораженная его откровенной злостью. – Не гони меня! Я должна быть с тобой, иначе умру! Понимаешь? Без тебя нет мне жизни!

– Проваливай, я сказал! – рявкнул Яннис. – Ты мешаешь погрузке. Если я пропущу хоть один мешок, хоть одну корзину, капетаниос⁶ голову мне оторвет. Пошла отсюда, не то выкину тебя за борт!

– Яннис, да чем девочка тебе помешала? – примирительно улыбнулся чернобородый. – Сам не хочешь ее – оставь товарищам. Ты-то небось все время, что мы стояли в Пирее, перебирался со шлюхи на шлюху, а я безвылазно у лекарей сидел, излечивая язвы на своем перетрудившемся дружке. Теперь мне страсть как охота его снова в дело пустить, да беда – наша галера вот-вот должна отчалить, некогда к девкам сбегать. Я уж думал, придется руками себя обслужить, а тут – глянь, какая милашка притащилась! Все наши тебе только спасибо скажут, если ты отдашь ее нам. Хорошо нашему капетаниосу – для него любая задняя дырка годна, а мне вот с мужчиной блудничать тошно, мне только женское лоно по нраву. А теперь будет с кем поразвлечься!

– Да бери ее себе и делай с ней что хочешь! – пожал плечами Яннис и замахал очередному грузчику: – Эту корзину спусти в трюм да поставь осторожно, чтобы не рассыпалось ничего! Эх, ну что за бестолковый народ, ничего не соображает! Придется самому спуститься. А ты, Колот, смотри, если капетаниос поднимет крик, увидев эту девку, сам с ним разговаривать будешь, мое дело тут – сторона.

– Сейчас главное – спрятать ее где-нибудь, – обрадовался Колот, – а уж в открытом море он никого за борт не выбросит!

– Я же сказал – делай что хочешь, – отмахнулся Яннис, – у меня есть заботы поважней.

И он ушел, даже не взглянув на Никарету, которая стояла ни жива, ни мертва, не в силах осмыслить, что Яннис – ее возлюбленный Яннис! – мог ее отвергнуть.

Она издала короткое рыдание и кинулась было за ним, чтобы вцепиться в него и снова повторять, как сильно любит его, однако Колот поймал ее за руку и притянул к себе.

– Ох, до чего ж ты хороша! – пробормотал он, жадно ощупывая грудь Никареты и снова задрал ее хитон. – Эти рыженькие завитушки на твоем передке просто с ума сводят. Знала бы ты, как охота прямо сейчас тебя распробовать... Да надо за погрузкой следить. А может, успеем, а? Дело-то недолгое, уж больно я наскучался по женскому телу!

Колот стиснул запястья Никареты своей ручищей и перегнулся через борт:

– Эй, там, на берегу! Погодите, не несите пока больше ничего! Тут мы... должны кое-что уладить! Как следует груз разложить надобно! Я дам знать, когда снова мешки тащить!

– Разложи этот груз как следует, Колот! – послышался смех с берега: носильщики – народ догадливый! – А не справишься сам – только кликни, мы мигом поможем!

– Молчите, дураки! – погрозил кулаком Колот. – Не шумите, а то еще услышит капетаниос! Однако и в самом деле следует поспешить!

Он одним рывком затащил Никарету за грудку аккуратно сложенных мешков и опрокинул на палубу. Задрал свой хитон и обнажил оружие, при взгляде на которое Никарету едва не стошнило.

---

⁶ Капетаниос – капитан (греч.).

За свою не слишком долгую жизнь она уже успела узнать мужчин – кто-то брал ее силой, кому-то она отдавалась с охотой, – однако ни у кого из них не было такого уродливого, мозолистого пео⁷, покрытого рубцами от едва заживших язв!

Мало того что ее отверг Яннис – она станет добычей этого убогого насильника, который, может статься, заразит ее какой-нибудь гнусной хворью⁸ – из тех, о которых с ужасом рассказывали служанки Зенэйс?!

Никарета, не сдержавшись, с отвращением плюнула на мужской отросток – и чуть не расхохоталась при виде того, как мгновенно он увял. Только что была дубинка – теперь хилая травинка, как поется в одной смешной песенке, которую Никарете приходилось слышать на берегах родного Скамандра...⁹

Однако Колоту, похоже, вовсе не было смешно.

– Ах ты ламия, дочь тьмы! – взревел он. – Проклятое чудовище из тех, кто похищает мужскую силу! Только ламия обращается красавицей, перед которой не может устоять ни один мужчина, а ты... чем ты меня соблазнила, пакость? Каким колдовством?!

– Я и не собиралась тебя соблазнять! – зло ответила Никарета. – Ты мне и даром не нужен, чернобородый сатир!¹⁰

Сказав это, она тотчас раскаялась, что зря обидела сатиров сравнением с таким отвратительным существом, каким ей показался Колот, однако тот, похоже, думал иначе и обиженным счел именно себя. Не говоря ни слова, он размахнулся, чтобы ударить Никарету прямо в лицо, но она успела чуть отвернуться. Удар пришелся в висок, и девушка, лишившись чувств, рухнула навзничь.

Колот приподнял ее и поволол было по палубе, чтобы перевалить через борт и выкинуть в море, однако в это время с пристани раздался зычный окрик:

– Эй ты, отродье старой вонючей козы! Что ты там делаешь? Почему прекратил погрузку?!

Колот так и завертелся на месте, узнав голос капетаниоса, который был весьма скор на расправу. Мало того что отведаешь палок, так еще и прогонят с галеры. А ведь это плавание сулило отличный заработок! И все потерять из-за какой-то рыжей дурочки – да еще, может статься, лишиться своего дорогого дружка, хоть и изрядно покалеченного чрезмерным употреблением, но все же продолжавшего оставаться гордостью Колота и служившего ему верой и правдой! Кто знает, может, правду болтают, будто слюна рыжих девок ядовита?

О милосердные боги, а ведь не далее, как вчера, одна рыжая в придорожной харчевне как раз делала Колоту восхитительную пипу...¹¹ Что, если и ее слюна была ядовита?!

Мысли так и метались в голове, и перепуганный Колот не сразу обрел дар речи вновь.

– Я просто перекладываю мешки получше, капетаниос! – наконец крикнул он хрипло. – Несите, несите груз, чего стали, лентяи?! – грозно заорал он на носильщиков.

Мостки снова начали гнуться и дрожать под тяжелыми шагами, а Колот проворно схватил стоящую рядом большую пустую корзину и засунул туда тело девушки, согнув его в три погибели, да еще и мешок поверх корзины натянул.

---

⁷ Пеос – пренебрежительное название мужского члена (*греч.*).

⁸ Так называемые «дурные болезни» были известны человечеству с незапамятных времен. В античных мифах можно найти упоминания о том, как боги наказали болезнью половых органов тех афинян, которые неуважительно относились к изображению фаллоса Диониса. Признаки болезни, очень схожей с тем, что теперь называется сифилисом, описывал еще Гиппократ в IV веке до нашей эры, а египтяне знали о ней – эта болезнь называется у них ухеду – с еще более глубокой древности.

⁹ Скамандр – река близ легендарной Трои и горы Иды.

¹⁰ Сатиры – похотливые козлоногие существа из свиты бога виноделия Диониса, гонявшиеся за нимфами и молодыми женщинами.

¹¹ Труба (*греч.*). В описываемое время оно служило синонимом того, что теперь называется минетом, или фелляцией.

Он только успел разогнуться, как рядом появился один из носильщиков и изумленно огляделся:

– Куда ты подевал эту малышку?

– Отправил в Аид, – буркнул Колот, подальше отодвигая корзину, в которую спрятал свою жертву. – И ты пойдешь следом за ней, если будешь распускать язык.

Бешеный нрав чернобородого хиосца¹² был хорошо известен в Пирейском порту, а потому носильщик счел за лучшее промолчать, да и прочие последовали его примеру.

Впрочем, какое им было дело до какой-то девки, которую они даже разглядеть толком не успели? Мало ли таких побродяжек пытается приткнуться к мореходам в надежде на лучшую жизнь! А что находят? Жалкую смерть либо в море, либо в каком-нибудь другом порту, где пополняют собой бесчисленные армии дешевых шлюх? Надо думать, и эту рыжую, если Колот все же не сбросил ее в море, ждет та же участь.

Афины, дом Харизия и Зенэйс

В домашнем святилище великой и мудрой покровительницы Афин, Зенэйс, жена философа-элейца Харизия, склонялась перед алтарем и шептала благодарственные слова богине, которая спасла ее семейную жизнь.

Вот ведь как странно... когда Зенэйс молилась Гере, хранительнице домашнего очага и охранительнице супружеской любви, та словно и не слышала ни единого слова из горьких жалоб, которые изливала несчастная женщина, обманутая супругом. А ведь, казалось, кому, как не Гере, понять Зенэйс?! Ведь и сама супруга Зевса не единожды бывала обманута им. С кем Громовержец только не возлегал, стремясь утолить скороспелую страсть! Имен его любовниц перечислить просто невозможно – их и не упомнишь! Конечно, это не могло не внушать некую надежду его супруге: ведь если женщин много, значит, нет ни одной. Влюбится, разлюбит, вернется к жене, снова влюбится... Гера попросту привыкла к тому, что Зевс таскается с кем ни попадя.

Возможно, если бы у Зенэйс был именно такой муж, она тоже свыклась бы с неисчислимостью измен – и с усталой терпеливостью ждала бы очередного возвращения гуляки на супружеское ложе. Однако Харизий до поры до времени был влюблен только в свою философию. Мудрствования в кругу таких же умнейших афинян, как он сам, были ему милее женских ласк. Во всяком случае, Зенэйс именно так думала, когда не единожды была вынуждена метаться в постели, тщетно ожидая супруга и представляя себе внезапное появление какого-нибудь страстного красавца, который утолил бы ее плотский голод. Что ж, не зря говорят, будто даже самая добродетельная женщина хоть единожды, а мечтала предаться греху, и некоторые не только мечтали об этом, но и предавались... ну вот хоть всем известная Елена, или Федра, или Пасифая... Да их не счесть, на самом-то деле!

Но вот однажды все изменилось в доме Харизия. И виновата в этом была сама Зенэйс, которую угораздило купить новую рабыню. И не то чтобы она была так уж необходима в хозяйстве! Просто у девчонки оказались великолепные рыжие кудри, а Зенэйс знала, что рыжеволосые женщины очень нравятся мужу. Как-то раз она купила себе рыжий парик, и Харизий целую неделю приходил ночевать вовремя, несмотря на то что обсуждения философских постулатов затягивались за полночь. К сожалению, тот парик был сделан очень небрежно: из него вскоре стали вылезать волосы. Зенэйс с ужасом представила, как однажды несколько непрочных прядей обовьются вокруг шеи ее супруга во время объятий да так и останутся болтаться, когда он поутру встанет с постели... Позору не оберешься!

---

¹² Хиосец – уроженец острова Хиос.

Стало ясно, что нужен новый парик, причем сделанный так умело, чтобы Зенэйс могла ни о чем не беспокоиться. И вот, увидев на агоре¹³ у ног торговца эту рыжую девку с копной грязных, всклокоченных, сбившихся в колтуны кудрей, Зенэйс представила эти волосы чистыми и причесанными: огненными, золотыми, пылающими, словно лучи Гелиоса, когда он выезжает на своей колеснице в самый зенит и ослепляет весь мир своей красотой и сиянием.

Вот так же надеялась Зенэйс ослепить мужа, надев парик, сделанный из волос этой девки.

На ее лицо Зенэйс бросила только один мимолетный взгляд – его было вполне достаточно, чтобы пренебрежительно сморщиться. Эти зеленые, слишком широко расставленные глаза, этот вздернутый нос, эти прямые, далеко расходящиеся в стороны от переносицы брови – конечно, отнюдь не черные, а тоже с рыжинкой! – этот большой рот с чрезмерно пухлой верхней губой... Кого может прельстить такое лицо?!

Тщедушная длинноногая фигура тоже казалась нелепой и уродливой.

Единственным, на что можно было посмотреть одобрительно, был узенький поясок из золотистой тисненой кожи, опоясывающий тонкую талию девки. Он был сделан с большим искусством, и Зенэйс с удовольствием забрала бы его себе, да вот беда – на пояске не оказалось никакой застежки или пряжки. Было совершенно непонятно, как он застегивается и расстегивается, однако, похоже, снять его не удастся.

– Госпоже приглянулся поясок? – ухмыльнулся торговец, грубый, заросший волосами фракиец. – Не тебе первой! Я и сам хотел бы подарить его своей жене. Даже разрезать пытался! – Он показал еще не зажившие следы порезов на впалом от голода животе рабыни. – Однако вскоре понял, что снять его можно, только если девку разрубить напополам. Да жалко, товар больно хорош!

Товар хорош?! Зенэйс чуть смехом не залилась, но это было ниже ее достоинства – смеяться шуткам какого-то работоторговца из диких стран¹⁴. Поэтому она молча кивнула домоправителю, который нес ее кошель с деньгами (порядочные афинянки никогда не опускались до того, чтобы ходить по агоре в одиночестве, словно площадные девки или нищенки!), в знак того, чтобы заплатил требуемое, – и пошла своей дорогой, не сомневаясь, что домоправитель следует за ней, волоча за собой изможденную попку.

Хм, товар хорош! Эти слова веселили Зенэйс всю дорогу.

Да Харизий на эту девку даже не посмотрит, была убеждена она. И как же ошиблась... жестоко ошиблась!

– Твоя новая рабыня похожа на дриаду¹⁵, – сказал однажды муж за обедом, приподнявшись на своем апоклинтре¹⁶ и взглянув в окно.

Зенэйс тоже выглянула – и увидела эту новую девчонку, которая пыталась залезть на шелковицу. Ее коротко остриженные – почти под корень! – волосы уже отросли на два пальца и окружали ее голову смешными кудряшками. Такие бывают у новорожденных ягнят, и Зенэйс всегда смотрела на этих хорошеньких малышей с умилением. Однако сейчас она чувствовала не умиление, а отвращение. Отвратительны были кудряшки этой «дриады», и веселые зеленые глаза, и длинные ноги с тонкими, точеными щиколотками...

---

¹³ Агора – место народных собраний; там же находился и городской рынок, где продавали все, что угодно, в том числе и рабов.

¹⁴ Фракия в описываемое время считалась эллинами местом диким, что, впрочем, соответствовало действительности.

¹⁵ Дриады – нимфы, покровительницы деревьев. Иногда они именовались по названиям деревьев: например, мелиады обитали на ясенях. Гамадриады были смертны и погибали вместе с деревом, с которым были связаны.

¹⁶ Апоклинтр – особое ложе для еды. В описываемое время, как правило, мужчины ели, полулежа на особых сиденьях. Их название происходит от слова «апоклино» – «разгибаю спину» (*греч.*). На апоклинтре полулежали, опираясь на левый локоть, чтобы желудок, который находится слева, не давил на другие органы, переполняясь. Однако возлежать имели право только мужчины: женщины ели, сидя на жестких креслах или табуретах.

Зенэйс вспомнила, что ее собственные щиколотки трудно было назвать изящными, да и вообще... с того времени, как она захотела выйти замуж, пришлось перестать носить короткие хитоны...

После этого новой служанке предписали отныне прикрывать ноги оборванными полами хитонов (рабам запрещалось подшивать одежду, так же как и носить длинные волосы) и больше не лазить по деревьям.

Но было уже поздно!

Трудно сказать, что именно сразило Харизия, но отныне эта рабыня для него словно медом была намазана.

Сначала Зенэйс свысока поглядывала на эту одержимость и уговаривала себя, что через это рано или поздно проходят все женщины. Их мужьям мало собственных жен, им даже мало уличных потаскушек – они сплошь и рядом тянут руки и кое-что другое к рабыням. Надо только не пропустить день, когда девка понесет, и немедленно послать ее к знахарке, чтобы вытравить плод: никаких ублюдков Зенэйс в своем доме не потерпит! Конечно, многие почтенные афиняне считают, что размножение собственных рабов – это очень выгодно, не надо тратиться на торгах, где цены на молодых и сильных мужчин и женщин иногда превышают всякие разумные пределы. Однако Зенэйс такие рассуждения казались полной глупостью. Пока еще отродье вырастет да сделается пригодным к делу! Его надо кормить и учить, тратиться на одежду... Если посчитать расходы, так на так и выходит, зато жизнь без этих хлопот и забот о маленьких рабах будет куда спокойней!

Впрочем, рыжая «дриада» не беременела, хотя Харизий редкую ночь не утаскивал ее в укромный уголок сада и не валял там – то прямо на траве, то позаботившись кинуть какую-нибудь подстилку. Теперь Зенэйс следила за этой связью с презрением, но и с победным чувством: у них с Харизием тоже не было детей, ну а поскольку досужая молва всегда обвиняет в этом женщину, Зенэйс порою чувствовала себя неуютно среди подруг, которые таскали за собой свои многочисленные выводки да наперебой хвалились, что снова беременны.

Самое смешное, что Зенэйс прекрасно знала: беременность причиняет им ужасные страдания, они тайком от мужей бегают к бабкам или зазывают их к себе, чтобы за большие деньги купить какое-нибудь зелье, которое сделает их бесплодными, наконец-то избавив от беспрестанной тошноты, рвоты, страшных пятен на лицах, отекающих ног и родовых мук! Но, насколько было известно Зенэйс, добиться этого ни одной из ее подруг пока не удалось. Они снова и снова мучились беременностями, потом родами, потом кормлениями малышни, бессонными ночами над больным ребенком, частенько и слезами над его могилой... и втихаря мечтали о блаженном покое бесплодия.

И при этом имели наглость свысока и даже презрительно поглядывать на Зенэйс, у которой не было детей!

А ведь, оказывается, вовсе не она была в этом виновна. Бесплоден-то сам Харизий!

Хм... а ведь теперь Зенэйс получила отличную маленькую пику, которой при случае можно уколоть супруга... умная женщина никогда не упустит случая пробудить в мужчине чувство вины: ведь, когда мужчина чувствует, что в чем-нибудь виноват, из него можно веревки вить – к тому же почти без всяких усилий!

Зенэйс на какое-то время даже почувствовала что-то вроде благодарности к рыжей дурочке, которая помогла ей обнаружить уязвимость мужа. Но вскоре поняла, что если кто здесь и дурочка, так это она сама.

Весь ужас состоял в том, что Харизий не просто привязался к девчонке. Он влюбился как безумный! Можно было подумать, в подручных у этой «дриады» состоит целая фаланга маленьких эросов, которые в меткости могли бы состязаться со знаменитыми критскими лучниками... однако у Харизия не имелось знаменитого критского панциря, сшитого из несколь-

ких слоев вымоченного в соленом растворе холста, а потому сердце его было с легкостью пробито любовными стрелами!

Раньше Зенэйс имя этой рабыни казалось глупым и смешным. Никарета, с ума сойти! Маленькая Ника, маленькая победа! Слишком высокопарно для жалкого рыжего отродья, купленного на рынке! Однако постепенно это имя перестало казаться смешным, а сделалось страшным и грозным! Угрожающим семейному счастью Зенэйс...

Неведомо, какими средствами: бесстыжим ли передком, бойким ли язычком, жадными, нахальными ли губами, блеском ли зеленых глаз, точеными ли щиколотками, веселыми ли кудряшками, которые Харизий так любил обвивать вокруг пальцев, словно путы на себя надевал, и эти кудряшки, чудилось, вбирали в себя весь солнечный свет (в то время как замечательный парик, который был сделан из волос Никареты и обошелся Зенэйс в чудовищные деньги, выглядел как тусклая рыжая – вернее ржавая! – мочалка, а кудри на нем развились и нипочем не желали завиваться снова, даже будучи смоченными в морской воде и накрученными на разогретые медные щипцы!), – неведомо, словом, какими средствами, какой тайной женской магией Никарета приковала к себе Харизия, однако Зенэйс вдруг поняла, что она, жена, совершенно перестала для него существовать.

Как же это оскорбительно – видеть равнодушие в глазах мужа...

И добро бы только равнодушие! Порой в этих глазах мелькала истинная ненависть! Неистовая страсть к Никарете вытеснила из сердца Харизия все добрые чувства, которые супруг может испытывать к супруге, изгнала из его памяти все картины их былой любви.

Сейчас Зенэйс искренне верила, что они были страстно влюблены друг в друга накануне свадьбы, хотя на самом деле их свела умелая сваха, и Харизий впервые поднял покрывало новобрачной и увидел ее лицо всего лишь за какое-то мгновение до того, как развязать ее девственный пояс. В брачную ночь, к слову сказать, он сильно оплошал и смог сделать Зенэйс женщиной лишь под утро, да и то с помощью пальца, чтобы не опозорить ни невесту, ни себя!

Все годы их жизни Зенэйс пребывала в блаженном убеждении, что Харизий был так потрясен ее красотой, что полагал себя недостойным ею обладать, однако теперь вдруг впервые задумалась: а что, если первым чувством к ней Харизия было не восхищение, а отвращение? Что, если он бывал столь редким гостем в ее постели именно потому, что просто-напросто не хотел ее?!

Да, теперь Зенэйс знала, как выглядит ее муж, когда влюблен, когда помешался от страсти...

И душа ее переполнилась завистью и ревностью, и ярость обуяла ее и помutila рассудок, и отныне ее целью стало извести Никарету, которая отняла у нее сердце Харизия.

Зенэйс не задумываясь пырнула бы девку ножом, опоила цикутой, продала с торгов, но она была слишком умна для того, чтобы так поступить. Убийства или продажи Никареты муж никогда не простит!

Конечно, дело можно было бы обставить похитрей и воспользоваться помощью опытной в таких делах знахарки, глотнув зелье которой Никарета тихо зачахнет, и никому даже в голову не взбретет, что смерть пришла к ней не по произволению богов, а по воле человека. Однако Зенэйс не сомневалась, что одуревший супруг будет свято чтить память поганой девки, да и вообще – в таком состоянии, в каком он находится, он способен перерезать себе горло, чтобы догнать тень обожаемой Никареты у врат Аида, и плевать ему, что на полях асфоделей¹⁷ они будут блуждать, не помня и не узнавая друг друга!

---

¹⁷ Поля асфоделей – символ загробного царства в верованиях Древней Греции. Цветок асфodelь, согласно верованиям, заставляет души умерших забывать прошлое.

Именно тогда Зенэйс бросилась в храм Геры просить о помощи. Однако богиня осталась глуха к ее мольбам. Возможно, в это мгновение она была занята тем, что сама пыталась справиться с какой-нибудь собственной соперницей, но Зенэйс от этого было ничуть не легче!

Она ушла в домашнее святилище Афины, какие имелись в усадьбах почти у всех добропорядочных граждан, которые весьма почитали покровительницу города, и рыдала там перед маленькой статуей мудрой и воинственной девы до тех пор, пока не заломило лоб и не зазвенело в ушах. И внезапно Зенэйс почудилось, что сквозь этот звон пробился чей-то голос, который произнес: «Алкиноя из Коринфа».

Зенэйс потрясла головой, но имя по-прежнему эхом отдавалось в голове.

Кто же она такая, Алкиноя из Коринфа?!

Раньше Зенэйс не задумываясь спросила бы об этом у мужа, который знал уйму всяких нужных и ненужных вещей, однако теперь она чувствовала: откровение, которое посетило ее, должно остаться от Харизия тайной. А потом вспомнила, что среди ее рабынь есть одна прачка, фиванка родом, которая была куплена после того, как побывала в рабстве именно в Коринфе.

И вот как-то раз, заглянув в прачечную – якобы затем, чтобы проверить, старательно ли стирается там белье, – Зенэйс, словно невзначай, спросила, не слыхала ли эта рабыня о какой-то Алкиноей из Коринфа.

– А как же! – сказала фиванка. – В тех местах частенько рассказывали эту историю – в назидание хозяйкам, которые не хотели платить наемным работникам.

– Что?! – возмутилась было Зенэйс и уже хотела приказать высечь дерзкую рабыню, которая делает какие-то оскорбительные намеки... уж не на саму ли Зенэйс, которая не далее как неделю назад грубо выгнала вон наемного садовника, ничего ему не заплатив, ибо ей показалось, что персиковые деревья, за которыми он ухаживал, стали хуже плодоносить?! Однако у нее все же хватило терпения дослушать прачку – и вот что выяснилось!

Оказывается, Алкиноей звали супругу какого-то знатного коринфянина. Имя его было, кажется, Полиб, а может, Амфилох, а может, как-то еще... Впрочем, это не имеет никакого значения! Однажды Алкиноя наняла умелую ткачиху Никандру (услышав это имя, Зенэйс невольно содрогнулась, ибо оно показалось ей созвучным с именем ее ненавистной рабыни), которая исправно служила ей целый год и соткала несчетное количество локтей¹⁸ холста и шерсти, но потом скупая Алкиноя придралась к какой-то малости – да и выгнала Никандру вон, не заплатив ей ни халка.

Тогда разъяренная Никандра взмолилась Афине, которая, как известно, покровительствует всем женским ремеслам, – и богиня наслала на Алкиною умопомрачение. Состояло сие умопомрачение в том, что Алкиноя по уши влюбилась в какого-то морехода, который как раз собирался отправляться на Самос, и она, бросив дом, мужа и детей, тайно бежала с ним. Однако посреди пути помрачение рассудка рассеялось – и Алкиноя поняла, какую глупость совершила. Конечно, она возмечтала вернуться назад и кинулась в море, надеясь доплыть до берега, однако вскоре утонула.

Зенэйс воскурила перед статуей Афины фимиам и поклялась принести самые богатые жертвы в главном городском храме, если ей удастся последовать благому совету и избавиться от Никареты.

Правда, ей было немного странно, отчего бы это вдруг девица Паллада решила помочь замужней женщине. Однако воля богов неисповедима, пути их мыслей и решений человеку постичь не дано, а потому Зенэйс просто-напросто выбросила свои сомнения из головы.

Она довольно быстро придумала, как устроить всю эту историю с Никаретой, однако нужно было дождаться удобного момента – отъезда мужа по каким-нибудь делам. Кроме того, Зенэйс требовалась помощница, причем такая, которая будет хранить задуманное хозяйкой в

---

¹⁸ Локоть – старинная мера длины многих стран. В Древней Греции локоть считался равным 46,3 см.

тайне, да и потом, когда все останется в прошлом, никогда не проболтается о том, что сделала Зенэйс, – не проболтается даже во сне!

Среди своих слуг Зенэйс не находила человека, настолько ей преданного, и решила подкупить ту самую прачку, которая рассказала ей историю Алкиной из Коринфа. Прельстить прачку оказалось очень просто: довольно было пообещать ей свободу и деньги, достаточные для того, чтобы вернуться на родину, в стовратные Фивы.

Теперь прачка ради Зенэйс была готова любому горло перегрызть, тем паче – молоденькой любовнице хозяина, которую Харизий тем временем уже отпустил на волю, однако не в силах был отпустить от себя: Никарета по-прежнему жила в его усадьбе, трудилась в саду, но теперь стала подшивать хитон, отращивать волосы и получать за свой труд пусть и скудное, но все-таки жалованье.

Больше медлить Зенэйс не желала и отправила прачку в Пирей с наказом вызнать там, какое судно уходит в ближайшие дни и есть ли среди мореходов какой-нибудь приглядный молодой мужчина. Прачке так же следовало хорошенько запомнить его внешность.

Воротясь, прачка-фиванка, которая уже ощущала себя полноправной наперсницей хозяйки и предвкушала несметные блага, коими та осыплет ее в знак благодарности, сообщила, что галера, на которой смотрителем груза служит один гуляка-красавчик по имени Яннис (прачка оказалась глазастой, приметливой и описала его внешность со всеми подробностями), отправляется послезавтра в полдень в какой-то фессалийский порт.

Зенэйс воспрянула духом. Похоже, Афина не оставляет ее своим попечением!

Она немедленно побывала у одной знахарки, настолько старой и злобной, что ее называли только Палиогрия – старая ведьма.

Уж неведомо, за что она была исполнена такой злости и ненависти к молодым и красивым женщинам, однако все афинянки точно знали: если нужно извести опасную соперницу, которая по всем статьям тебя превосходит, обращайся к Палиогрии!

Зенэйс откровенно поведала о своем положении и о подсказке, которую подала ей Афина.

Палиогрия хитро прижмурилась, отчего все морщины на ее лице собрались в комок, и злобная физиономия сделалась похожа на клубок змей.

– Известно мне такое зелье, – прошипели змеи. – Да только больно дорого оно стоит!

Зенэйс пообещала талант, если будет навсегда избавлена от Никареты.

Она нарочно назвала столь несусветную цену, чтобы старуха не капризничала и не вымывала ее и без того исстрадавшуюся душу торгом.

Старуха, сразу видно, была потрясена такой баснословной щедростью, и довольные змеи расплзлись по местам: морщинистая физиономия приняла привычный хитрый вид. Затем она принялась давать указания. Зенэйс нужно было принести прядь волос Никареты – чем длинней, тем лучше, – а потом, когда зелье будет готово, дать его Никарете в молоко. При этом девушка должна непременно плакать – и выслушивать описание внешности человека, в которого ей предстоит влюбиться до полного самозабвения и отрешения от своего прошлого.

Ну, как заставить Никарету плакать, Зенэйс отлично знала. Не единожды приходилось это делать! Но где взять длинную прядь волос? Конечно, у Никареты уже выросли какие-то кудряшки на остриженной голове, но ведь Палиогрия потребовала именно *длинную* прядь!

«Да ведь у меня есть парик из ее волос!» – чуть не стукнула себя по лбу Зенэйс.

Итак, все было почти сделано, тем более что обстоятельства продолжали складываться более чем благоприятно: Харизию срочно понадобилось отправиться в Элей. Какой-то из философов того направления, которое исповедовал и Харизий, собирал своих последователей, чтобы донести до них великое открытие: то, что есть, – есть, и это бытие, а того, чего нет, – нет, и это – небытие.

Может быть, конечно, Зенэйс не вполне точно поняла суть учения, однако ей казалось, что все это само собой разумеется и само собой очевидно для всякого здравомыслящего чело-

века, так что совсем незачем ради этого тащиться невесть в какую даль и тратить время на пустую болтовню!

Прежде она не преминула бы высказать мужу свое мнение обо всей этой его «философии», однако сейчас едва могла дожидаться, когда он, наконец, уедет.

Отсутствовать Харизию предстояло около месяца, и этого времени для исполнения замысла Зенэйс хватало с лихвой.

Правда, существовала опасность, что Харизий потащит с собой Никарету, но, к счастью, все обошлось: присутствие женщин в собрании философов почиталось делом немыслимым!

Почти всю ночь накануне отъезда мужа Зенэйс просидела, скорчившись, в саду, под кустом, неподалеку от того места, где Харизий пылко прощался с Никаретой, впитывая своей душой, исполненной черной ненависти и ядовитой ревности, каждый стон и каждый вздох любовников. Эти воспоминания должны были помочь ей в последующие годы унижать и упрекать Харизию.

И вот неверный супруг отбыл...

Само собой, Никарете немедленно досталось несчетно хороших тычков и пинков. Харизий, глупец, пребывал в блаженной уверенности, что его ненаглядной рыжей шлюхе ничто не грозит: жена-де не осмелится поднять руку на вольноотпущенницу, – однако Зенэйс вовсе не считала Никарету свободной эллинкой: ведь она сама покупала эту рабыню, значит, только она и может дать ей волю.

Ох, с каким наслаждением Зенэйс забила бы ее до смерти!.. Но Никарета осталась жива и даже не изуродована: иначе ей не пробраться к Яннису, он-то никакого приворотного зелья не пил! А потом, пока девка хлюпала носом и утирала слезы, верная подручная Зенэйс, прачка, принесла ей чашу с молоком – якобы сочувствуя от всего сердца! – и не отстала, пока рыдающая Никарета не выпила все до капли.

Пока та глотала молоко, Зенэйс стояла рядом за тонкой перегородкой и вкрадчиво твердила, что душа Никареты отныне вся поглощена Яннисом, мореходом из Пирея, и, если девушка не окажется рядом с ним как можно скорее, чтобы оставаться возле него навсегда, она, конечно, умрет, ибо сердце ее разорвется от горя. Отныне Никарете нет жизни без Янниса, она должна забыть всех, кого любила раньше и кто любил ее! Теперь для нее Яннис – солнце, луна и звезды, к которым стремятся ее душа и сердце. И тело, конечно, и все ее естество рвется к нему!

Одурманенная девушка уснула крепким сном, от которого должна была проснуться обуреваемой любовью к неведомому ей Яннису из Пирея.

Зенэйс не поленилась провести еще одну бессонную ночь неподалеку от подстилки, на которую свалилась сраженная сном соперница. Рядом сидела прачка, поглядывая на госпожу с собачьей преданностью, а на спящую девушку – с собачьей злобой. И, словно пастуший пес, который гонит заблудившуюся овцу к стаду, она гнала едва проснувшуюся Никарету в Пирей.

Впрочем, ту и подгонять не было нужды!

Если и существовали у Зенэйс какие-то сомнения насчет мастерства Палиогрии, то теперь они совершенно рассеялись. Та воистину оказалась великой колдуньей. Неведомо, что она там намешала в зелье, какие черные травы забвения... были ли это чародейственная каскара саграда, или три листа ясень и три – ивы, или асфodelь, или дурман, или что-то еще... Неведомо, какие шептала Палиогрия при этом заклинания, однако подействовало ее питье наилучшим образом.

Зенэйс чуть со смеху не умерла, наблюдая, как с первыми лучами солнца подскочила Никарета на своей подстилке, как всполошенно огляделась – и ринулась бежать к Пирейским воротам со стоном:

– Яннис! Где ты?!

– Не зря умные люди уверяют, что все на свете когда-нибудь кончается! – расхохоталась Зенэйс вслед девушке, ничуть не беспокоясь, что та может расслышать ее. – Наконец-то закончатся и мои мучения, грязная рыжая тварь!

Да, Никарету было уже не остановить!

На бегу она перескочила через прикорнувшую тут же прачку, даже не заметив ее, и Зенэйс на миг пожалела, что Харизий уехал: какое было бы наслаждение для ее мстительного сердца наблюдать, как девка перескочила бы через своего верного любовника, чтобы без оглядки бежать за призраком!

Прачка была разбужена крепким тычком хозяйки – и со всех ног понеслась за Никаретой проследить за исполнением замысла своей госпожи.

День Зенэйс провела в некоторой тревоге, однако к ночи вернулась прачка – едва живая от усталости. Ей ведь пришлось пешком проделать путь от Пирея до Афин и обратно, а это чуть ли не полторы сотни стадиев¹⁹. К тому же ее не окрыляла любовь – ни подлинная, ни фальшивая...

Зенэйс выслушала красочное повествование того, как Никарета пробралась на галеру, которая спустя некоторое время отошла от причала и вскоре растаяла в морской дали, – и счастливо улыбнулась. В самом деле – все когда-нибудь кончается!

Однако еще кое-что оставалось незавершенным...

– Завтра ты будешь свободна, – ласково сказала Зенэйс, похлопав по плечу прачку, и та едва не зарыдала от умиления таким проявлением хозяйского расположения: обычно госпожа касалась рабов, только если решала собственноручно выпороть их. – Но ты устала... выпей вина, а потом ляг и усни.

Прачка сделала лишь глоток из чаши, поданной ей заботливой хозяйкой, а потом выронила ее – да и рухнула, где стояла, погруженная в непробудный сон, который обычно называют вечным. Душа ее, все вмиг забывшая, а потому не обуреваемая жаждой мести вероломной хозяйке, устремилась в блаженные поля вечного забвения... а Зенэйс подобрала осколки чаши, в которой еще оставались капли вина, смешанного с цикутой, выбросила их, старательно вымыла руки – и наконец-то смогла вздохнуть с облегчением.

Она вовсе не собиралась оставлять в живых никого из посвященных в эту историю. Конечно, было бы неплохо добраться до Палиогрии, но это представлялось невозможным. Впрочем, вряд ли Харизий когда-нибудь встретится со старой ведьмой, а уж задавать ей какие-то вопросы ему и в голову не взбредет, так что на сей счет можно было оставаться совершенно спокойной.

И Зенэйс наконец-то отправилась спать и спала счастливым сном, и никакая богиня не осенила ее подсказкой о том, что Харизий больше не вернется домой. До Зенэйс дойдет слух, что он простудился в пути и умер в Элее, там же и был погребен.

Узнав об этом, Зенэйс долго будет сокрушаться, что попусту заплатила Палиогрии целый талант: знай она о том, что Харизий больше не вернется, можно было просто-напросто засечь Никарету плетьюми и не тратить денег на колдунью, да и прилежной прачки не пришлось бы лишиться!

Затем Зенэйс пожелает отправиться за телом супруга, чтобы перевезти его в домашний склеп. Совершить такое нелегкое путешествие ее заставят сплетни, которые носились по Афинам, словно стаи трескучих сорок. Досужие кумушки болтали, будто Зенэйс сделала жизнь Харизия настолько невыносимой, что он предпочел сбежать со своей молоденькой рыжей рабыней в неведомые края, только бы не видеть больше сварливую и неприглядную супругу.

---

¹⁹ Эллинский стадий составлял 178,6 метра. Расстояние между Пиреем и Афинами – 11 километров, или 61,59 стадия. Туда и обратно – около 125 стадиев, около 22 километров, но еще следует учитывать расстояние от дома Зенэйс до городской черты, откуда шло измерение пути.

Итак, Зенэйс пожелает привезти останки Харизия в Афины, чтобы заткнуть рты всем любителям злословить, однако для нее путешествие в Элей станет роковым. Пока она будет искать могилу Харизия на элейском кладбище, из-под какого-то камня выползет черная гадюка и ужалит злосчастную вдову.

Черных смертоносных гадюк вообще много водится в тех местах, оттого элейцы отправляются навещать своих покойников лишь в крепких и высоких войлочных сапогах, ну а Зенэйс по неопытности пойдет в обычных сандалиях с бирюзовыми пряжками... кстати сказать, в тех самых, которые были некогда сделаны руками рыжей рабыни Никареты...

Таким странным и невероятным образом, почти невольно, Никарета отомстит Зенэйс... Хотя, честно сказать, ей следовало бы поблагодарить свою бывшую хозяйку, изменившую ее судьбу, причем – к лучшему.

Впрочем, Зенэйс действовала по наущению Афины, которая всего-навсего согласилась исполнить просьбу Афродиты, – в кои-то веки после их ссоры, приведшей к Троянской войне!²⁰

Борт галеры, Эгейское море

Никарета очнулась от того, что ее кто-то сильно бил по голове. Можно было подумать, что голова – это барабан, из которого с каждым ударом вылетает не звук, а воспоминание. Удар – и Никарета видит Зенэйс с палкой в руке. Удар – и перед Никаретой прачка-фиванка с чашей молока. Удар – под ногами пыльная дорога в Пирей, по которой Никарета со всех ног мчится ранним утром. Удар – Пирейский порт, удар – борт галеры, а около этого борта – какой-то мужчина с капризным лицом, какие бывают у избалованных женским вниманием красавчиков. Это Яннис.

Никарета таких мужчин терпеть не могла!

Но раз так, зачем ей понадобился Яннис, зачем она рвалась к нему, словно одержимая? И откуда она знала его имя, если никогда прежде не видела?!

Сквозь продолжающиеся удары барабана Никарета вспоминала свое страстное стремление попасть на галеру, невероятную тяжесть мешка, который она тащила по гнущимся и дрожащим мосткам, отвлечение на лице Янниса, потом вспомнила какого-то чернобородого с его мерзким, грязным пеосом, потом она отчетливо увидела кулак, летевший ей прямо в лицо... Кажется, Никарета попыталась увернуться, но, наверное, этот чернобородый, которого называли Колотом, все же успел ее ударить. И этот удар продолжает отдаваться мучительной болью. Вот почему кажется, что вместо головы – барабан.

Ох, до чего же ей худо, бедной Никарете! А еще хуже от того, что она ровно ничего не понимает из случившегося.

Почему она убежала из Афин? Почему не стала ждать возвращения Харизия? Никарета не любила его, но чувствовала к нему огромную нежность и благодарность за его пылкую и безоглядную любовь. Хоть мечты о побеге не оставляли ее никогда, ибо она неуклонно стремилась к цели своего пути, она не собиралась покидать Харизия, ибо ей нужно было поднакопить сил для нового путешествия, а может быть, и его самого уговорить, чтобы отвез ее туда, куда она страстно стремилась.

И вот... И вот она на какой-то галере... Почему она покинула Харизия?! Испугалась, что Зенэйс в его отсутствие забудет ее насмерть? Может быть, но какое отношение ко всему этому имеет Яннис? Почему Никарету понесло в Пирей с такой скоростью, что у нее до сих пор ноги ломит от долгого стремительного бега! Но эта боль ничто в сравнении с тем смятением, которое владеет ее душой.

---

²⁰ Как известно, Гера, Афина и Афродита поссорились из-за золотого яблока, на котором было написано «Прекраснейшей». Парис, сын царя Трои Приама, отдал яблоко Афродите, посулившей ему любовь самой на тот момент красивой женщины в мире – Елены из Спарты. Когда после бегства Елены с Парисом разъяренные войска ахейн (данайцев, эллинов) явились под стены Трои и началась война, Афродита поддерживала троянцев, а Афина и Гера были на стороне их противников.

Почему она так рвалась в Пирей? И где она сейчас?

Никарета попыталась пошевелиться и обнаружила, что все тело ее затекло от долгого и неподвижного лежания в какой-то корзине. Поскольку девушка не могла припомнить, когда и зачем в нее залезла, мелькнула догадка, что ее туда просто-напросто запихнули.

Кто? Да кто же другой, если не Колот?!

Наверное, его кто-то спугнул, и он не успел изнасиловать бесчувственную Никарету, вот и спрятал ее в эту корзину, решив попользоваться ее телом в более спокойное мгновение. Да еще и мешок сверху натянул!

Никарете представилось, как пауки оплетают своей липучей нитью мух и маленьких бабочек, угодивших в их сети, и оставляют их про запас. Эти запеленатые в серые плотные коконы бедняжки висят на паутине, еще слабо трепыхаясь или уже мертво, неподвижно до того времени, как паук проголодается и отправится в свою «кладовую».

Отвращение и ужас, которые охватили Никарету при этом воспоминании, были такими сильными, что она забыла про все на свете, кроме желания вырваться на свободу, и принялась неистово брыкаться в корзине, срывая мешок. Однако он был натянут на корзину туго, да еще и завязан, и Никарета, почти лишившись рассудка и уже чувствуя себя дохлой мухой, которую вот-вот начнет рвать своими жвалами отвратительный паук, завопила во весь голос.

От этого крика она мигом охрипла и теперь могла издавать только какие-то жалкие звуки.

Однако ее все же услышали! Рядом раздался топот, удивленные голоса – люди явно не могли понять, кто и откуда кричал! – потом корзину с Никаретой куда-то поволокли, стащили мешок, опрокинули – и девушка вывалилась на гладко оструганные, влажные доски, пахнущие морем.

Голова кружилась, Никарете мутило, однако она, не поднимаясь, повела вокруг испуганными глазами – и ей хватило одного мгновения, чтобы понять: она на палубе галеры.

Той самой, куда она так стремилась вчера, чтобы оказаться около Янниса!

В это мгновение кто-то схватил Никарету за плечи, грубо вздернул вверх – и она снова увидела Янниса.

Если вчера его красивое, пресыщенное лицо выражало только снисходительное презрение, то теперь оно было исполнено ярости.

– Проклятая шлюха! – заорал Яннис, отталкивая девушку так, что она снова упала. – Ты все же пробралась сюда?! Капетаниос, клянусь, я тут ни при чем! Она еще вчера в Пирее обманом пробралась на нашу галеру и принялась клясться мне в любви. А я ее в жизни не видел! Я прогнал ее, а она опять здесь! Наверное, сама спряталась в корзину, чтобы...

– Сама спряталась в корзину, натянула на нее мешок, да еще и узел завязала? – послышался насмешливый голос, и Никарета увидела сухощавого и кривоного человека в кожаных штанах до колен, какие испокон веков носят эллинские мореходы и в какие были облачены почти все находящиеся на палубе мужчины.

Торс его был покрыт шрамами, доказывающими, что ему не раз приходилось защищать свое судно и свой груз от пиратов, которые разбойничали на морях и норовили разбогатеть, грабя суда и продавая в рабство пленных мореходов. С лица, загорелого до черноты, на Никарету равнодушно смотрели узкие глаза, которые так привыкли щуриться от ветра и соленых брызг, что невозможно было различить, какого они цвета. Тонкие обветренные губы кривились в снисходительной усмешке:

– Конечно, это кто-то из вас вздумал проташить шлюху на мой корабль. И бросьте врать! Думаете, не сможете обойтись в плавании без того, чтобы не почесать свой блуд о женский передок? Сколько хлопот вы доставляете себе, не желая следовать моему примеру! Для меня любой из вас сгодится, чтобы получить удовольствие и избавиться от избытка семени! А вам

нужна баба... Ну что ж, путь до Птелея²¹ долог – так и быть, оставьте ее себе. Только знайте: я не потерплю никаких свар и драк из-за нее. Первый же ревнивец будет отправлен за борт вместе с этой рыжей тварью. Но все же мне хотелось бы знать, кто сунул ее в корзину. Признавайтесь, ну? Клянусь, что никто не будет наказан, скорее, наоборот... получит награду!

Однако свободные от вахты мореходы, сбегавшиеся на крик Никареты, молчали, несмотря на это обещание. Помалкивали и гребцы, старательно работая веслами. Похоже, посулы капетаниоса их не слишком обрадовали.

Никарета оглянулась – и вдруг увидела Колота, который с преувеличенным старанием составлял корзины, которые развалились, пока вытаскивали девушку. Почувствовав взгляд Никареты, мореход воровато обернулся, бросив на нее испуганный взгляд, – и у девушки больше не осталось никаких сомнений насчет того, кто именно запихнул ее в корзину.

– Это сделал он! – мстительно прохрипела Никарета, ткнув пальцем в Колота. – Ударил меня по голове, а потом сунул в корзину!

– Да ты же свалилась без памяти и никак не могла видеть, как я тебя туда затолкал! – заорал возмущенный Колот, но тут же прикусил язык, поняв, что сам себя выдал, да еще самым нелепейшим образом.

Кругом захохотали.

– Болван! – с ненавистью буркнул Яннис. – Я ж говорил тебе, чтоб ты выбросил ее за борт!

– Ничего подобного ты мне не говорил! – сварливо защищался Колот. – Ты ушел смотреть за погрузкой в трюм и оставил девку мне. А я решил позаботиться о товарищах...

– Ну что ж, это просто великолепно! – кивнул капетаниос. – Я всегда говорил, что для мореходов дружба и товарищество очень много значат! И за это ты должен быть вознагражден, Колот. Ну и ты, Яннис, тоже, поскольку именно к тебе пришла эта девка. Кто из вас желает первым получить награду?

Яннис и Колот разом попятились.

– За каждый шаг назад я буду вычитать из вашего жалованья по драхме, – сказал капетаниос с проказливой усмешкой. – Однако тот, кто первым явится за моей наградой, – тот, наоборот, получит лишнюю драхму.

Яннис и Колот переминались с ноги на ногу с самым несчастным видом, переглядываясь и подталкивая друг друга, но не делая ни шагу вперед.

– Давайте, давайте, ребятки, все равно этого не миновать, – крикнул сверху, со своего мостика, рулевой. – А потом, в утешение, первыми потретесь об эту девку: ведь благодаря вам она оказалась здесь.

– Ты прав, мой красавчик, – с необыкновенной нежностью отозвался капетаниос и послал смазливому рулевому воздушный поцелуй.

Но тотчас лицо его стало не просто суровым, но даже злым.

– Считаю до трех! – рявкнул он так свирепо, что Яннис, махнув рукой, шагнул вперед.

Распустив пояс своих штанов, он повернулся спиной к капетаниосу и встал на четвереньки.

– Задницу повыше! – скомандовал тот, приспустив свои штаны, обнажив естество и подступив поближе к чреслам Янниса.

Тот хрипло стонал в лад с движениями капитана. Поднял побагровевшее лицо и устремил ненавидящий взгляд на Никарету:

– Ну, погоди у меня, поганая тварь, я до тебя доберусь... ползком ползать будешь!

– А что будет с тобой, когда до тебя доберусь я! – пригрозил Колот, который уже тоже спустил штаны и приготовился получить свою долю «вознаграждения» от капитана.

---

²¹ Порт в Фессалии, одной из северо-восточных областей Эллады.

– Эй вы, не пугайте девчонку, ей ведь еще предстоит иметь дело со всеми нами! – загалдели, хохоча, гребцы и прочие мореходы, которые – кто с сочувствием, кто с отвращением, а кто и с завистью – поглядывали на Янниса, с которым все еще забавлялся капетаниос.

Никарета затравленно озиралась, с ужасом представляя свою участь. Ей уже приходилось становиться жертвой насилия, но тогда это были двое мужчин, которые владели ею до тех пор, пока не иссякло переполнявшее их семя. Боги смилостивились над Никаретой и даровали силы сбежать от пресытившихся и крепко уснувших насильников. Но если после грубых «ласк» тех двоих она была страшно измучена и стонала от боли при каждом шаге, то что же станет с ней после того, как ею поочередно овладеет несколько десятков мужчин?! Да она умрет раньше, чем свою долю удовольствия получит половина из них... Конечно, если ее еще раньше не прикончит ненависть Янниса и Колота!

Ну уж нет! Разве для того спасала ее Афродита в самые мучительные и нелегкие мгновения ее жизни?..

И в то мгновение, когда капетаниос громко закричал в приступе наслаждения, а Яннис, вторя ему, мучительно застонал от боли и все мореходы уставились на содрогающуюся пару, Никарета вскочила, одним прыжком оказалась у борта, перемахнула его – и камнем рухнула в сине-зеленую, соленую, упругую волну, пронизанную тысячами солнечных искр.

*Троада*²²

Скамандр иногда называют Ксанфос – Желтый, потому что вода в этой реке и впрямь желтая. Даже шерсть овец, пивших из нее, окрашивалась в этот цвет. Говорят, именно поэтому на берегах Ксанфоса живет особенно много рыжеволосых людей.

Вода в Скамандре то ласкает, то жжет, ведь у него два источника: один холодный, другой теплый. Теплая вода струится от подошвы горы Иды, а холодная стекает с одной из ее вершин, которая называется Котила.

Места эти славны в истории Эллады. Скамандром назывался также холм, на котором некогда стояла великая Троя, а бог реки собственной персоной принимал участие в Троянской войне и даже пытался потопить Ахилла, разгневанный тем, что тот завалил течение реки трупами троянцев. Однако Скамандру пришлось отступить перед Гефестом, который был на стоне ахеян²³ и направил на реку вал огня, едва не иссушившего Скамандр до самого дна.

Однако все это – предания давно минувших дней...

Однажды, в самый разгар месяца панамос (афиняне именуют его скирофорион²⁴), на круглом камне на берегу Скамандра стояла Никарета и взволнованно смотрела на тихую, отливающую бронзой заводь, в которой дробилось и дрожало ее отражение.

Ей было очень страшно.

Она с малых лет купалась в этой реке, прекрасно знала, где стремнина, где тихие заводи, умела глубоко нырять, долго оставалась под водой, а когда ей нужно было глотнуть воздуха, то делала это совершенно незаметно, подняв к поверхности воды только рот.

Подруги, которые приходили купаться вместе с Никаретой, ужасно пугались, начинали кричать, что она утонула, – и тут Никарета, хохоча, выныривала, очень довольная собой.

Словом, раньше она никогда не боялась Скамандра. Раньше – до этого вот дня, потому что никогда еще она не совершала тайный обряд. А сейчас настало для этого время...

Вдруг девушке почудился какой-то шорох за спиной. Она резко обернулась, испуганно прикрывшись ладонями, однако там никого не оказалось. Только какая-то птица, испугавшаяся

²² Старинное название местности, прилегающей к Трою. После гибели этого города название существовало еще много веков.

²³ Наименование одного из эллинских племен, участвовавших в Троянской войне; часто так же, как и данайцы, – обобщенное обозначение всех эллинов.

²⁴ Июнь, как и прочие месяцы, имел в эллинском календаре разные названия в разных местностях.

невесть чего, спорхнула с ветки и всколыхнула своим серым маленьким тельцем заросли сладко пахнущей глицинии.

В это же самое время позади раздался громкий плеск.

Никарета вновь обернулась, но по зеленоватой глади только круги расходились: видимо, рыбка поднялась к поверхности да всплеснула хвостом.

Конечно, здесь никого нет и бояться некого. И уже пора набраться решимости произнести заветные слова, которые произносит здесь в свое время каждая невеста из их селения.

Говорят, будто даже из других мест приезжают сюда молодые девы накануне замужества. Никарета, правда, никого из чужих не встречала, но ведь это таинство – то, что происходит на берегах Скамандра, сюда с толпой подружек или родни не приходят!

Привезли девицу в Троаду, сходила она одна, потихоньку от других, к Скамандру, окунулась в его волны, произнесла заветные слова – и может возвращаться в свои родные места в блаженной уверенности, что теперь ей нечего тревожиться за свою судьбу.

Общеизвестно, что всякая дева, которая желает, чтобы брак ее был счастливым и чтобы великие бессмертные боги благословили его множеством здоровых детей, должна отдать свое девство Скамандру, покровителю этой реки. Обычай сей ведется издавна, с тех времен, когда здесь еще стояла Троя, а то и раньше...

Тауза, мать Никареты, тоже когда-то ходила на поклон к речному божеству.

Ну что ж, Таузе грех жаловаться на Скамандра: после старшей дочери, Никареты, она родила еще шестерых – правда, от трех разных мужей, но, что самое удивительное, ее, вдову, обремененную малышами, охотно брали замуж, хотя даже девки сохли в безбрачии.

Сейчас Тауза снова вдовела, однако никто не сомневался, что это долго не продлится.

– Ты только ничего не бойся, – наставляла мать Никарету. – Окупись с головой, раздвинь ноги пошире и дай волне проникнуть в тебя, в самую твою глубину! Скамандр не любит трусливых девственниц, которые за свой передок дрожат так, словно там невесть какое сокровище сокрыто. Всё, как говорят умные люди, хорошо в меру, и девство лишь юной деве пристало. Но когда она уже иссохла от того, что никакой мужчина никогда не тискал ее груди и не раздвигал ей ноги, а по-прежнему девичьей скромностью кичится, – это, знаешь ли, смеху подобно! Отдай всю себя божеству без стыда – и Скамандр щедро вознаградит тебя!

Никарете было, конечно, страшно, однако она твердо намеревалась исполнить все, что требовалось. И Влазис, ее жених, на этом настаивал – ведь он тоже вырос в этих местах и с детства усвоил, что семейное благополучие полностью зависит от Скамандра.

Мназон, отец Влазиса, владел единственной в этих местах харчевней да еще лесхой²⁵ у подножия горы Иды, где лежали, неумолимо покрываясь пылью веков, останки некогда величественной и баснословной Трои и куда толпами являлись странники, непременно желавшие поклониться месту гибели благородного Гектора, непобедимого Ахилла, злосчастного Патрокла и других великих героев седой древности, воспетых Гомером.

Денежки так и текли в кошелек хозяина лесхи и харчевни! Это была самая богатая семья в округе, и Влазис отлично знал, что он, пусть кривоногий и приземистый, с приплюснутой головой и носом, больше похожим на крошечный орешек, невнятно выговаривающий слова (о чем свидетельствовало его имя, которое значило «косноязычный»), был бы подарком для любой девушки из Троады, а если выбрал для себя бесприданницу Никарету, то потому, что эти огненные, золотисто-рыжие волосы так и впились в его сердце, словно волшебные щупальца-волосы горгон, от которых, по рассказам людей сведущих, не уходил ни один мужчина – до тех пор, когда самая младшая и самая красивая из них, Медуза, не отдалась морскому богу Посейдону в храме Афины – глупышка, неужто другого места во всей Элладе не нашлось?! – за

---

²⁵ Так в описываемое время называлась придорожная или портовая гостиница.

что и была жестоко наказана ревнивой и воинственной богиней-девой: обращена в змеевласое чудовище, от которого всякий мужчина бежал со всех ног!

Мназон, конечно, выбрал бы для сына невесту побогаче, однако Влазис уперся: подавай ему рыжую зеленоглазую Никарету, и все тут! Ну, Мназон и смирился, поскольку желание сына было для него законом... К тому же он сильно надеялся получить от Никареты внуков более приглядных, чем его собственный обожаемый сынок. Уже назначен был день, когда Влазис и Никарета, увенчанные миртом и розами, пойдут к храму Афродиты, чтобы, по обычаю, получить благословение богини и с этого мгновения называться мужем и женой. Но прежде всего Никарете следовало сходить в тихую заводь Скамандра и там совершить священный обряд.

И вот она стоит на берегу, пугливо озираясь, и никак не может решиться произнести заветные слова.

То ли ветерок стал свежее и захолодил обнаженную спину, то ли холодит ее некое вещее предчувствие? Отчего показалось Никарете, что после слов, которые она сейчас произнесет, совершенно изменится ее судьба?..

«Ну да, изменится, – уговаривает она себя, – а как же, ведь я выйду замуж за Влазиса и стану жить в его богатом доме, не зная ни в чем отказа...»

Но нет, чудится девушке, будто сейчас поднимется ветер – и унесет ее прочь от родных мест, и долго будет носиться она по воздушным волнам, словно сорванный бурей листок, пока не опустится вновь на землю... но где? В каких дальних далях?!

Никарета прижала руки к сердцу, которое так и трепетало в страхе, и вдруг... вдруг она явственно услышала чей-то голос с небес, женский голос:

– Не страшись, Никарета! Никогда ничего ты не бойся! Все, что случится с тобой, пойдет лишь во благо тебе, даже если мучением сочтешь ты события эти. Ну а я и мой сын – мы всегда будем рядом, что б ни случилось, до самой смерти твоей!

Никарета запрокинула голову и попыталась что-нибудь разглядеть в небесах, но солнце так било в глаза, что из них сразу потекли слезы.

Девушка зажмурилась.

Кто это говорил?! С небес вещают боги, это всем известно... Неужели и к ней обратилась какая-нибудь богиня?!

«Я и мой сын – мы всегда будем рядом...»

Ах, да неужели Никарете посчастливилось услышать голос Афродиты? Неужели ее благословила сама Афродита, богиня любви, посулив покровительство свое и своего сына Эроса?! И богиня велела ничего не бояться...

– Возьми же, о Скамандр, мою девственность! – выкрикнула Никарета заветные слова и, зажмурившись, бросилась в тихие воды, готовая покорно и радостно принять все, что бы с ней ни случилось.

Погрузилась с головой, коснулась ногами дна, оттолкнулась и всплыла – и в то же мгновение оказалась охвачена чьими-то сильными руками.

От неожиданности Никарета чуть не захлебнулась! Попыталась было вырваться, но тут же покорно отдалась неожиданным объятиям – ведь это, конечно, сам Скамандр явился на ее зов!

Так вот как это бывает...

Скамандр целовал ее, тискал, гладил, ласкал, оплетая сильными ногами, и внезапно Никарета ощутила боль в лоне, когда в нее вместе с водой проникла плоть речного божества. Скамандр двигался, вздыхал, стонал, кувыркаясь вместе с Никаретой в волнах, ее лоно пылало от его движений, холодело от водяных струй, проникающих в него, и Никарета ощущала, как вместе с болью из нее по капле истекает девственность.

Наконец Скамандр вырвался из нее и прошептал:

– Плыдем к берегу.

Никарета повиновалась, и вот они вышли из воды, и она, наконец, осмелилась взглянуть на Скамандра.

Ах, как же он был красив! Совершенно такой, каким и полагается быть речному боже-ству: с мокрыми светлыми волосами, с которых струилась вода, словно серебристые капли, и его серые глаза тоже отливали серебром, а тело было золотистым, гладким, сильным, словно тугая волна Скамандра, и среди светлого влажного пушка в межножье восставало его мужское орудие, готовое сражаться и побеждать.

При мысли о том, что сей божественный фаллос только что побывал в ее лоне, Никарета ощутила жар и томление в чреслах и, повинуясь ласковым рукам Скамандра, опустилась на траву, а речной бог вновь овладел ее телом, причиняя враз и боль, столь сладостную, что она была схожа с наслаждением, и наслаждение, столько острое, что оно напоминало боль.

Как и положено существу неземному, Скамандр был неутомим, ну а Никарета, всего лишь смертная женщина, истомленная первой в ее жизни мужской страстью, скоро устала – и крепко уснула посреди объятий и поцелуев, и уже не чувствовала, как Скамандр утолил последний всплеск своего вождения, а потом, на прощание, приникнув к устам спящей Никареты жарким поцелуем, заботливо перенес ее с солнцепека в тень, радостно засмеялся, затем устало потянулся, вошел в волны реки, нырнул – и скрылся из виду.

Когда Никарета проснулась, только легкая боль в лоне напоминала о случившемся. Она поднялась, надела свой старый короткий хитон – и пошла в селение, жалея о том, что у нее нет красивого куска ткани для гиматия, ибо, конечно, девушке, которой только что обладало божество, следует принарядиться! Однако дома она расчесала свои прекрасные, волнистые, рыжие волосы и заплела их в плексиду²⁶ в знак того, что она теперь не девушка, а значит, больше не должна ходить с распущенными волосами.

– Ты зачем заплела плексиду? – удивилась мать. – Ты можешь это сделать, только когда станешь женщиной.

Никарета растерянно моргнула.

Но ведь отдать кому-то свою девственность – это и значит стать женщиной! Женщиной ее уже сделал Скамандр, разве мать этого не понимает?!

– Но ведь я уже отдала свое девство Скамандру, – робко возразила она.

– Какая же ты еще глупышка, Никарета, – усмехнулась Тауза. – Это всего лишь обряд... а истинной женщиной тебя сделает Влазис после брачной ночи. Уже скоро, потерпи совсем немного, ведь свадьба завтра!

«Значит, я стану женщиной только после брачной ночи», – понятиливо кивнула Никарета и снова распустила волосы.

Ей ужасно хотелось кому-нибудь рассказать о том, как ею овладел Скамандр, но это было таинство, а значит, пришлось держать язык за зубами.

Влазис при встрече покосился на свою невесту не без опаски, как всегда смотрят мужчины на женщин, которые отмечены божеством. Он с нетерпением ждал завтрашнего дня свадьбы, вернее, брачной ночи, когда восторжествует над ее телом – и Никарета узнает свое место и в постели: под мужем! – и в жизни: под пятой мужа!

Что же до Никареты, она тихонько вздыхала о том, что красавцами, видимо, бывают лишь божества: впервые осознала она, сколь же непригляден ее жених. И ведь придется всю жизнь смотреть на эту уродливую физиономию!..

И вот, наконец, настал этот день – день свадьбы! На голову Никареты возложили венок из белых роз и мирта. В таком же венке стоял перед ней Влазис, то и дело сдвигая его на затылок, а порою громко чихая: так уж на него действовал сладкий запах роз! Он мечтал о том, чтобы поскорей снять венок, но это было возможно лишь после того, как они с Никаретой, под

---

²⁶ Плексиды – коса, заплетенная очень слабо и низко: плетение начиналось чуть ли не от плеч.

предводительством жреца, трижды обойдут вокруг храма Афродиты и получают благословение богини.

После этого можно будет заполучить Никарету в свою полную власть и сорвать с головы эти паршивые розы.

Нынче на берегах Скамандра собралось особенно много путешественников, желающих увидеть развалины Трои, но, прослышав о свадьбе, они предпочли это веселое зрелище созерцанию обломков, покрытых вековой пылью, а потому вдоль дороги, ведущей к храму Афродиты, стояла изрядная толпа.

Люди выкрикивали благословения и восхищались красотой невесты. Те же, кому хотелось что-то сказать по поводу внешности жениха, вежливо помалкивали и лишь сочувственно вздыхали, глядя на прекрасную девушку, которой придется жизнь провести рядом с этим кривоногим, косноязычным уродцем с таким недобрым лицом.

Никарета, которую разморило от солнца и сладкого вина, поднесенного им с Влазисом его родителями, еле передвигала ноги и, с трудом сдерживая зевки, поглядывала по сторонам. Лица людей, стоявших вдоль дороги, сливались в одну сплошную улыбку большого рта, выкрикивающего приветствия, благословения, пожелания счастья или соленьюшки напутствия Влазису.

И вдруг ее сонное оцепенение как рукой сняло. Среди каких-то мужчин стоял и улыбался, разглядывая новобрачных... Скамандр!

Ну конечно! Никарета сразу узнала его необыкновенные серебристые глаза, прекрасное лицо и светлые, отливающие серебром волосы! И, вне себя от счастья, она закричала во весь голос:

– Смотрите! Вон там стоит Скамандр, которому я вчера отдала свою девственность! Он пришел полюбоваться свадьбой и поздравить меня!

Галера Драконта Главка, Эгейское море

Эгейское море в месяце таргелионе²⁷ – лучшем месяце в году! – спокойное, ласковое и мягкое, словно плотный синий шелк. Все четыре брата ветра: Борей, Нот (его иногда еще называют Африк), Зефир и Эвр, а также их подручные: Киркий, Апелиог, Аргест и Кекий²⁸ – чудится, предугадывают каждое желание мореходов и дуют именно в том направлении, куда держит путь та или иная галера, наполняя ветром ее парус и облегчая работу гребцов.

Разумеется, ветры помогают только тем мореплавателям, которые перед выходом в плавание позаботились принести воздушным братьям богатые жертвы!

Драконт Мейкдон Главк, знатный житель Коринфа и судовладелец, галера которого шла с острова Скирос в Коринф, мог в этом смысле ни о чем не беспокоиться. Он вовремя позаботился обо всем, посетив храм Четырех ветров, коим была знаменита Линария, главная бухта Скироса. Как вышли из нее, так все время дул попутный западный Зефир, изредка подхватываемый Нотом, при содействии Аргеста, поэтому капетаниос этой галеры рассчитывал оказаться в родной Лехейской гавани уже через сутки.

Драконт подремывал на палубе, удобно устроив темноволосую голову на пухлых и мягких коленях своей наложницы Фэйдры.

Настоящее свое имя красавица уж и позабыла: Фэйдрой, то есть «яркой», ее назвал Драконт, купивший эту рабыню именно за ее удивительно яркие, сияющие, словно черное пламя, глаза и черные волосы, настолько гладкие, что в них отражалось солнце и они напоминали расплавленную смолу, струящуюся с головы девушки до самых пят. Фэйдра была критяночкой, а

---

²⁷ Таргелион – одиннадцатый месяц античного календаря. Таргелион длился с середины мая до середины июня. Надо сказать, что такое название он носил только в Коринфе, Афинах, Делосе и Милете, а в других местностях Эллады именовался иначе: в каждой по-своему.

²⁸ Киркий – ветер северо-западный, Апелиог – юго-западный, Кекий – северо-восточный, Аргест – юго-восточный.

поскольку далекие предки Драконта некогда явились в Коринф именно с Крита, он питал особую тягу к женщинам с этого волшебного острова, который в былые времена держал в крепком кулаке всю Элладу и могущество которого рухнуло вскоре после того, как на Крит попал легендарный Тезей: сын афинского царя Эгея, который прошел через Лабиринт и убил чело-веко-быка Минотавра.

На Скиросе, где Драконт оказался по своим торговым делам, он навестил место, где, согласно преданию, Тезей был сброшен со скалы царем Ликомедом.

Впрочем, существовала и другая легенда. По ней выходило, что Ликомед тут вообще ни при чем, а Тезей бросился в море сам, по своей воле, повинувшись обычаю Эрехтидов, к роду которых он принадлежал: ведь именно таким образом погиб и его земной отец Эгей, десятый царь Афин. Поскольку Тезей был зачат от Посейдона, который явился к его матери Эфре в образе Эгея, некоторые островитяне со Скироса уверяли, что Тезей прыгнул в море именно по зову своего истинного отца, владыки морей.

Побывал Драконт также и в тех местах, где, немного позднее, провел свою юность – при дворе все того же царя Ликомеда! – непобедимый Ахиллес, скрываясь от участия в Троянской войне под женским одеянием. Правда, это одеяние не помешало ему слюбиться с дочерью Ликомеда Дендамией и вместе с ней произвести на свет Неоптолема, иначе называемого Пирром.

Записывая на восковые таблички все эти интересные истории (он вообще был охоч до всяких баек!), Драконт немало поездил по Скиросу на одной из тамошних маленьких лошадок, которые здесь заменяли ослов.

Их порода так и называлась – скирос. Высотой они не превышали двух локтей и двух с половиной палестр²⁹ и, хоть были не слишком удобны для высокого и длинноногого Драконта (а ведь он был гораздо ниже ростом, чем его отец, не зря носивший имя Мейкдон, что значит – высокий!), все же очаровали его своим покладистым нравом, неприхотливостью и привязчивостью. Он был бы не прочь увезти пару скиросов в Коринф, чтобы начать их разводить: ведь эти лошадки оказались бы просто незаменимы на крутых и опасных горных тропах между городами Коринфом и Афинами, а особенно – между Коринфом и Мегарой! Однако люди сведущие предостерегли Драконта, что он напрасно потратится на покупку: скиросы, по непонятной прихоти богов, могут жить только на своем родном острове. В чужих краях они не приживутся – и прежде всего потому, что не выдержат даже самого короткого пути по морю.

Услышав это, Драконт понимающе кивнул. Его любимый пес по кличке Аристократ тоже не переносил морской качки. Именно поэтому Драконт не взял его с собой на Скирос, хотя понимал, как тяжело его верному другу в разлуке. Да и сам он скучал по верному белому, в черных пятнах, псу египетской породы, которая попала в Элладу через Анатолию³⁰.

Неудачей со скиросами Драконт был огорчен, но не слишком, потому что вовсе не за лошадьми приехал он на остров. Отправка судна с темной охрой, незаменимой для художественных промыслов, и уговор на продажу железной руды в Коринф можно было считать очень удачными сделками, которые должны были прославить Драконта среди других судовладельцев и купцов, а главное – принести ему немалые барыши.

Однако эти барыши были бы сущими пустяками по сравнению с теми богатствами, которые могла сулить разработка мраморных месторождений, скрытых в недрах Акрокоринфа!³¹

²⁹ Палестра (ладонь) – эллинская мера длины, примерно 7 см; то есть высота скиросов составляла примерно 110 см, то есть это фактически были пони.

³⁰ Эллинское название Малой Азии. Слово «Анатолия» означает в переводе с греческого – восточная. Собаки, о которых размышляет Драконт, были предками современных далматинцев, а в древние времена эта порода так и называлась – восточная пестрая собака, анатоли стигмата скилос.

³¹ Горный массив над Коринфом: «акро» – «над», «сверху».

Мрамор с успехом добывали на Скиросе. И не только мрамор – Драконту стало известно, что в пещерах, выдолбленных близ Линакрии, некогда находили золотые жилы!

Драконт заглянул в Пентекали и Диатрипи – так назывались эти пещеры – с самым равнодушным видом. На самом же деле он успел бросить весьма внимательный взгляд на вкрапления фосфороса, там и сям украшавшего бело-розовые мраморные стены пещер и рассеивавшего подземную тьму особым, неярким, холодным свечением. Совершенно такой же бело-розовый мрамор с такими же фосфоресцирующими вкраплениями он видел в мраморных пещерах Акрокоринфа, которые прилегали к дому Главков (далекими предками Драконта этот дом отчасти был выдолблен в скале – подобно тому, как строились многие жилища на их родном Крите, – а отчасти пристроен к ней), а значит, считались собственностью Главков.

И вот Драконт размышлял: если в фосфоресцирующих пещерах на Скиросе было найдено золото, почему бы этому золоту не обнаружиться точно в таких же пещерах в Коринфе? Причем весьма желательно, чтобы это произошло именно в тех пещерах, которые принадлежат роду Главков...

Конечно, даже если он в самом деле найдет там золото, за него придется побороться с гермафродитосами. Эти твари – Драконт как настоящий мужчина, вдобавок – красавец, не мог называть иначе этих двуполых уродов, гермафродитосов, – обладали очень сильным влиянием на городские власти и не раз пытались доказать, что им, находящимся под покровительством Афродиты и Гермеса, принадлежат все недра Акрокоринфа со всеми его богатствами! Да, с гермафродитосами придется побороться, и неведомо, кто победит!

Как всегда, при мысли об этих созданиях, которых он считал ошибкой богов (но которые были весьма уважаемы и почитаемы по всей Элладу и особенно в Коринфе), Драконта стало тошнить. И он вспомнил о тех, кто легко мог вернуть ему хорошее настроение.

Это были Фэйдра и его любимый наложник – пятнадцатилетний Хели. С этим именем мальчишка попал к Драконту, и тот не стал называть его иначе. Порою, в кругу друзей, он посмеивался: не зря имя Хели значит «поднимающий» – ведь именно таким образом нежная красота этого юнца воздействовала на некую часть тела Драконта!

Сейчас Хели нарочно был поставлен позади господина – не столько для того, чтобы обмахивать его опахалом и развеивать жару, сколько чтобы не отвлекать его от размышлений и не возбуждать к телесному сношению, когда требовалась напряженная работа мысли.

Драконт лежал, полузакрыв глаза, и вроде ничего вокруг себя не видел, однако он не сомневался, что Фэйдра приподняла край короткого хитона Хели и своей нежной и умелой рукой хозяйничает меж стройных юношеских ног.

Эти двое были насквозь порочны! Однако их бесстыдные забавы весьма радовали Драконта, который любил разнообразие. К тому же он знал, что только таким образом может избежать смертельной ненависти между своими любовником и любовницей.

Сначала, когда у него только появился восхитительный Хели, этот юнец и Фэйдра из ревности едва не убили друг друга. И страшная вражда длилась между ними до тех пор, пока господин однажды не позволил им позабавиться.

Разумеется, им дозволены были только ласки руками и губами – обладать друг другом, как обладают мужчина и женщина, Драконт запретил под страхом немедленной кастрации и продажи в самые низкопробные портовые притоны.

Поскольку именно таким образом Драконт Главк разделался с одним из своих прежних любимцев и с той женщиной, на смену которой пришла Фэйдра, сомневаться в его слове не было желания ни у юнца, ни у девушки. К тому же Мавсаний (раб, происходивший из семьи, которая испокон веков служила Главкам и в которой все старшие сыновья по традиции носили это имя) строго следил за наложниками господина.

Самому Мавсанию забавы с мальчишками претили до отвращения, однако он был настолько предан Драконту, что прощал ему любое беспутство, любые, даже чрезмерно воль-

ные, привычки, призванные насытить тот его плотский голод, который очень сложно было утолить всего лишь одной женщиной или одним только юношей.

Таким уж он уродился, Драконт Главк...

А впрочем, не дело раба осуждать господина!

Итак, стоял прекрасный и блаженный день середины месяца таргелиона, ветер дул попутный, галера стремилась вперед, ладные всплески весел не мешали Драконту предаваться размышлениям. Судно уже находилось между Пиреем и островом Саламин, когда внезапный крик впередсмотрящего нарушил сонное, блаженное оцепенение:

– Человек за бортом! Капетаниос, справа по борту вижу человека!

Фэйдра, не сдержав любопытства, рванулась было – посмотреть, но вовремя спохватилась, что на ее коленях возлежит голова господина, и снова замерла.

Впрочем, Драконт уже приподнялся и сел.

К нему приблизился капетаниос:

– Что прикажет господин?

Само собой, все мореходы Ойкумены³² выручают друг друга на водных просторах, однако когда на борту владеец судна, лучше сначала спросить его разрешения. Хотя в согласии Драконта Главка капетаниос мог не сомневаться, и вовсе не потому, что тот славился своим чело-веколюбием – скорее, наоборот. Просто-напросто, если неизвестный человек, который болтается на волнах справа по борту, еще жив, он, конечно, щедро отблагодарит Главка за свое спасение, ну а если это какой-нибудь бедняк, его можно выгодно продать, ибо все, что подбирают в синих нивах Посейдона, принадлежит нашедшему.

Видимо, те же мысли посетили и Драконта, потому что он лениво поднял на капетаниоса свои темные глаза и кивнул:

– Ну, спасите этого беднягу.

Тот сделал знак: двое свободных от гребли мореходов бросились в волны и поплыли к странному предмету, качавшемуся на волнах.

Драконт встал, подошел к борту.

Право, только зоркие глаза впередсмотрящего могли разглядеть человека, который наполовину забрался в большую пустую бочку!

Гребцы перевернули ее, вытащили человека и поплыли к кораблю, влача за собой бесчувственное тело.

Пустая бочка осталась качаться на воде.

Солнце буйствовало на легких волнах, и чудилось, будто воздух весь пронизан сверкающими искрами. Они играли, танцевали, принимали странные формы... на невообразимо краткий миг Драконту почудилось, что перед ним стоит высокая золотоволосая женщина, увенчанная алыми розами, и смотрит на него с улыбкой. Рядом с ней маячил какой-то юнец с луком в руках... Лук был почему-то без стрелы, как если бы юнец уже выпустил ее. Женщина улыбалась Драконту, а этот мальчишка хохотал во весь рот!

Над Драконтом хохотал, что ли?!

«Слишком яркое солнце, – раздраженно подумал Главк, проводя рукой по глазам. – Мерещится невеста что!»

– Кажется, это женщина, – сказал капетаниос, глядя в подзорную трубу.

Драконт прикусил губу, ощутив странное возбуждение.

– Ну, вытаскивайте ее, да поскорей, – бросил он небрежно. – Бочку пусть тоже достанут.

Капетаниос выкрикнул пловцам этот приказ, скрывая улыбку: не зря говорят про Главков, что они могут швыряться талантами, но не поленятся нагнуться и поднять лепту!

---

³² Так эллины называли земли и моря, лежащие в границах исследованного людьми мира.

Тем временем Драконт сделал знак Хели – понятливый мальчишка мигом положил опало и устремился вслед за господином в шатер, раскинутый на корме. Убегая, он не забыл скорчить рожу Фэйдре: хоть эти двое и ублажали друг друга, как могли, они никогда не переставали соперничать за ласки господина!

Однако Хели рано торжествовал: не успел он принять привычную позу, как господин хлопнул его по задку и сказал:

– Нет, позови лучше Фэйдру.

Хели, не веря ушам, повернулся, потянулся к чреслам господина и даже рот уже приоткрыл, однако хозяин раздраженно прикрикнул:

– Позови Фэйдру, я сказал!

Хели выполз на палубу с видом побитой собаки, думая, что лучше бы ему откусить себе язык, чем во всеуслышание заявить о победе соперницы, однако Фэйдра, которая, растравляя раны своей ревности, всегда подслушивала, когда Драконт уединялся с Хели, уже ворвалась в шатер и принялась совлекать с себя легкий полупрозрачный хитон.

Тело ее было прекрасно: смуглая кожа и изящное сложение истинной критянки, которое, похоже, слегка сдобрил своим здоровым семенем какой-нибудь крепкий афинский раб, с коим согрешили или мать, или бабка Фэйдры, а потому у нее оказались тяжелые груди и широкие бедра, а также полные, с ямочками, колени и округлые, сильные икры. Чисто критские ступни казались по-детски крошечными: маленькие пухленькие пальчики торчали в разные стороны, всегда умилая Драконта.

Однако сейчас они показались ему ужасно смешными. А ведь нет ничего вернее, чтобы охладить наслаждение, чем внезапно развеселиться!

Словом, Драконт расхотел Фэйдру так же неожиданно, как только что расхотел Хели.

– Надень сандалии и хитон подлинней, – буркнул он сердито. – Эти бобы на твоих ногах мне надоели.

И вышел из шатра – к великой радости Хели, который, по недовольному виду господина, сразу понял, что и от Фэйдры тот не получил того, чего хотел.

Фэйдра уставилась на свои ноги. Маленькие растопыренные пальчики и впрямь напоминали полукруглые, торчащие в разные стороны, белые бобовые зерна!

Это показалось Фэйдре столь обидным, что она залилась было слезами, однако тотчас утерла их, чтобы Хели не слишком-то радовался, и, кое-как сдерживая всхлипывания, угрюмо потащилась вслед за господином на палубу.

Драконт, впрочем, на нее даже не оглянулся: его внимание было полностью приковано к обнаженному бесчувственному девичьему телу, распростертому на мокрых досках палубы. Талию девушки обхватывал тоненький поясок из золотистой кожи.

– Это рабыня, – сказал капетаниос. – У нее волосы острижены. Красивая девка, за нее можно получить хорошие деньги. Если она выживет, конечно! А поясок ну просто драгоценный... его можно снять и кому-то подарить.

Капетаниос покосился на господина, однако тотчас понял, что тот его не слышит.

Драконт смотрел на короткие темно-рыжие пряди, облепившие мокрую голову, на бледные веки, на темные полукружья вокруг глаз и закушенные губы, на которых уже проступила белой коркой засыхающая морская соль.

Девушка была еще молода, с белой кожей, обожженной, но не спаленной солнцем. Значит, ее не слишком долго носило по волнам, догадался Драконт, продолжая жадно разглядывать спасенную.

Она на мгновение открыла бессмысленные глаза – того туманно-зеленого цвета, каким бывает море, когда над ним реет утренняя дымка.

Зрачки ее были крошечными, она в своем полубеспамятстве вряд ли кого-то успела увидеть, прежде чем опустила веки, однако Драконту показалось, будто девушка посмотрела прямо ему в глаза.

Да что в глаза! В душу... и взгляд этот пронзил его, как стрела.

Он не мог оторваться – трогал, гладил, тискал ее глазами...

Ноги длинные, как у бегуны, впалый живот, узкие бедра, а грудь едва ли не пышней, чем у Фэйдры. Золотистый поясok был так тонок, что казался нарисованным на теле.

Рыжие влажные завитки курчавились в межножье, и Драконт чуть не лишился сознания от внезапного приступа такого возбуждения, какого, казалось, не испытывал еще никогда в жизни.

Он может умереть на месте, если не овладеет этим бессильным телом, так, по традиции, владеют спасенными из волн женщинами изголодавшиеся по плоти мореходы!

Но ведь он не изголодался по плоти. Он только что отверг Хели и Фэйдру...

Лишь воспоминание о том, что он – Главк, владелец этого судна и один из самых знатных людей Коринфа, удержало Драконта от того, чтобы прямо сейчас, прилюдно, потеряв всякий стыд, задрать хитон – и воткнуть свой отяжелевший жезл между ног этой жалкой рабыни, нащупать жадной рукой эти мокрые рыжие завитки и через миг излиться в ее лоно с воплем почти звериного восторга.

Нет, не здесь.

Через мгновение в своем шатре он получит все, что хочет, и ему наплевать на то, как будут перемигиваться и о чем станут перешептываться за его спиной мореходы, гребцы, капитанос, Мавсаний и Фэйдра с Хели!

Он уже приоткрыл рот, чтобы приказать перенести девушку в шатер, как вдруг Мавсаний коснулся сзади его плеча и шепнул так тихо, что его мог услышать только Драконт:

– Она настолько изнурена, что погибнет, как только ты овладеешь ею, господин.

Драконт повернулся, незрячими, пьяными глазами уставился на сверх всякой меры прощительного раба... Потом он покачнулся, и Мавсаний увидел, что взгляд его господина обретает осмысленное выражение.

Драконт глубоко вздохнул, потер лоб и ушел в шатер, буркнув:

– Позаботься о ней. Я хочу, чтобы она осталась жива.

Мавсаний обтер пресной водой лицо и тело спасенной, смывая белые разводы морской соли, опрокинул сосуд на ее голову, чтобы смыть соль с волос. Девушка тяжело вздохнула, но не очнулась. Вслед за тем Мавсаний велел перенести ее к другому борту и натянуть над ней полог, чтобы скрыть от палящих лучей солнца и любопытных взглядов гребцов.

Затем он развел теплой водой козье молоко, которое очень любил Драконт и которое отлично сохранялось во время пути в особом леднике, нарочно для этого устроенном на галере.

Лед привозили с горных вершин, а потом держали его в ямах или пещерах, выложенных соломой и деревом. Так он мог лежать месяцами! Для сохранения молока Драконт обычно возил с собой на галере большой деревянный ларь со льдом.

Мавсаний осторожно, по капле, вливал целебную смесь в рот девушки, заботливо поддерживая ее голову, и вспоминал свой сон.

Минувшей ночью привиделось ему, будто на галере – прямо на палубе! – распустился удивительный цветок с разноцветными лепестками. Откуда он там взялся, никто не знал. Цветок напоминал радугу, и все любовались им, особенно сильно был очарован господин, а Мавсаний – единственный из всех! – совершенно отчетливо видел, что среди лепестков затаилась маленькая змейка – такая же разноцветная, радужная, как сам цветок. Мавсаний хотел сорвать цветок и выбросить его вон, пока змейка никого не укусила, однако господин не позволял ему это сделать. А когда Мавсаний начал настаивать, господин ударил его по лицу. Мавсаний упал

на палубу, и в это мгновение змейка соскользнула с цветка и оказалась на его груди. Подняла головку к самому его лицу, готовясь укусить...

А что было дальше, Мавсаний не помнил. Как будто туманом память затянуло! Так ведь довольно часто бывает: чем сильнее стараешься вспомнить сон, тем больше забываешь.

Хотя что там могло случиться? Конечно, змея его укусила – и он умер.

Пусть и во сне, однако хуже такого сна трудно себе вообразить!

Конечно, утренние заботы заставили Мавсания позабыть ночное видение, но сейчас оно вспомнилось, потому что сон начал сбываться! Вон он, цветок, который внезапно распустился на палубе! И господин им очарован...

Что же будет дальше?!

Мавсаний очень хотел бы подлить в молоко, которое плескалось в чаше, яду... И никогда в жизни он ни о чем так не жалел, как о том, что остановил господина, когда тот хотел овладеть этой едва живой девкой.

Для них для всех было бы лучше, если бы она умерла!

Мавсаний не знал почему, но не сомневался в этом, и сердце его горело от ненависти к ней и от страха за обожаемого господина.

Троада

Услышав восторженный крик Никареты, все уставились на просто одетого юношу, застывшего в толпе гостей.

– Какой же это Скамандр? – хмыкнул стоящий рядом с ним плечистый мужчина с сильными руками. – Его зовут Аргирос! Он пришел со мной из Беотии, это мой подручный, ученик. Я ваятель – высекаю статуи из камня – и хотел насладиться в Троаде зрелищем останков древних храмов, которые некогда были славны изображениями богов. Я, видите ли, в своем творчестве пытаюсь следовать старым образцам...

Похоже, этот беотиец очень любил поговорить, но сейчас его речи мало кого занимали.

– Что ты сказала? – не слушая его и люто глядя на Никарету, взревел Влазис, который, даром что был косноязычен, соображал очень быстро. Пока прочие еще только пытались понять, в чем вообще дело, он уже смекнул, что к чему. – Ты отдала свою девственность этому мужчине?! Ты с ним переспала?!

Услышав его возмущенный крик, Скамандр воровато огляделся – и вдруг ринулся бежать так стремительно, что через миг скрылся из виду.

– Держите его! – завопил Влазис, да где там! Юноши и след простыл!

– Нет, Скамандру до него далеко! – снова хмыкнул ваятель. – Ваш Скамандр еле ползет по своему руслу, словно дряхлый старикашка, а Аргироса и верхом не догонишь!

Вокруг захохотали. Собравшиеся явно забавлялись неожиданным поворотом дела.

Только жениху с невестой и их родне было не до смеха.

– Да нет, этого не может быть! – воскликнула мать Никареты, глядя на дочь так, словно увидела ее впервые – и никак не могла поверить своим глазам. – Ты не могла быть такой дурой, чтобы возлечь с ним! Это же обыкновенный человек!

– Но ты же сама учила меня нырнуть – и отдаться объятиям бога! И ноги пошире раздвинуть, чтобы его волна достигла самой глубины моего лона, – попыталась защититься Никарета. – Я так и сделала... и он обнял меня, и взял меня в воде!

– В воде! – брезгливо возопил Влазис, который, как всем было известно, боялся воды и по этой причине даже в лохани мылся нечасто, не говоря уже о том, чтобы плавать в реке. – Вы спаривались, как лягушки! Нет, как, как...

– Нет, потом он владел мною и на берегу! – запальчиво воскликнула Никарета. – И я уснула в его объятиях, а когда проснулась, его уже не было. Поэтому я и заплела плексиду,

матушка, – повернулась она к Таузе, – ведь я уже утратила девственность, но ты велела снова распустить волосы, чтобы заплести косу только после брачной ночи с Влазисом.

– Ага! – закричал Мназон, отец Влазиса. – Ты отлично знала о том, что случилось, Тауза! Ты решила подсунуть нам подпорченный товар! Смотри, теперь не миновать тебе платить пеню за то, что твоя дочь развязала свой девичий пояс не с законным мужем, а с каким-то проходцем!³³

Тауза в ужасе всплеснула руками: ей, вдове, собрать пеню было бы невыносимо! На что кормить детей?! Они жили на те крохотные деньги, которые зарабатывала Никарета, искусно плетя из кожи и украшая красивыми камнями сандалии, однако и кожа, и камни сами по себе стоили так дорого, что мастерство это плохо окупалось. Тауза безумно радовалась, что, наконец, сбудет с рук старшую дочь, на которую уже чаще, чем на нее саму, заглядываются мужчины, да еще так удачно сбудет! Тауза надеялась, что девчонка принесет в дом богатство, а что получается? Никарета несет разорение!

– Я и знать ничего не знала, Мназон! – вскричала Тауза, рыдая. – Не губи меня и моих детей! Я думаю, что моя дочка врет. Она ведь совсем неопытна... Наверное, после купания в Скамандре она заснула на берегу, вот ей и приснился этот мужчина.

– Невесте накануне свадьбы должен сниться только жених! – наставительно буркнул Влазис, однако Никарета глянула на него презрительно:

– Нет, ты мне не снился. А тот красавец был со мной наяву, а не во сне!

– Молчи, молчи, ради всех богов! – простонала мать, преобольно пихнув ее в бок. – Соври, что ты все это выдумала по дурости! Я научу тебя, как ночью отвести глаза Влазису, чтобы он подумал, что именно он перелез через твой забор.

Однако было уже поздно: Влазис (он, вне себя от ярости, сорвал с головы венок из роз, растоптал его и наконец-то перестал чихать) вместе с отцом потребовали, чтобы позвали местную повитуху, которая здесь же, прилюдно, должна была убедиться сама – и убедить всех собравшихся в том, что сыну одного из самых богатейших в Троаде людей собирались подсунуть подгулявшую невесту.

Со всех сторон неслись крики: насмешливые, возмущенные, издевательские, сочувственные, – и Никарета наконец-то поняла, что навлекла на себя немалую беду. Опынение, из-за которого она пустилась откровенничать, ушло, и ей стало по-настоящему страшно.

Что с ней теперь сделают? Наказания для неверных жен и невест по всей Элладе установлены самые тяжкие. Еще когда Никарета была совсем маленькой, она слышала ужасную историю про девушку из Афин, которую изнасиловали друзья ее жениха. Конечно, насильников наказали, но не слишком строго, потому что они в один голос уверяли, будто девушка их сама завлекла. Отцу несчастной пришлось заплатить большую пеню жениху – эта история случилась накануне свадьбы, и ходили слухи, что все было подстроено с ведома семьи жениха, которая рассчитывала и на приданое, и на пеню, да еще мечтала получить в свои руки средство всю жизнь держать строптивую красавицу в узде и попрекать: ее-де взяли замуж только из милости, хотя она и опозорила жениха.

Однако эта семейка перестаралась, потому что ярость отца бедной девушки превзошла все разумные пределы. Он во всеуслышание заявил, что его дочь – отъявленная потаскуха, если решила возлечь с тремя мужчинами, а значит, она всегда будет гулять от мужа, и этому нужно раз и навсегда положить предел. Она получит такого любовника, которого ей хватит до смерти!

После этого он запер дочь в пустом доме вместе с нехолощенным жеребцом – и заколотил окна и двери наглухо.

---

³³ В некоторых полисах Эллады в описываемое время существовал обычай платить пеню, если жених обнаруживал, что невеста утратила невинность до свадьбы.

Из дома много дней раздавались крики несчастной девушки и неистовое ржание, так что все горожане норовили держаться от него подальше, а потом все утихло, только сильней и сильней просачивался сквозь щели запах падали.

Наконец жестокосердный отец взломал одну из дверей и вошел в дом. Оказалось, что конь сдох и уже начал разлагаться, а от девушки остались только какие-то ошметки да раздробленные кости, ибо конь, видимо, помешавшись от голода, съел ее тело. Говорят, этот дом до сих пор стоит на окраине Афин и носит название «Дом коня».

И вот сейчас Никарета представила себя запертой в таком же доме... У нее подкосились ноги, и она повалилась на дорогу почти без чувств от ужаса.

Она лежала в пыли, и никто: ни мать, ни жених, ни подруги, ни кто-либо из односельчан – не сделал ни малейшей попытки ей помочь, однако все сгрудилось вокруг Мназона, наперебой обсуждая случившееся и наспех решая, что делать с распутной девкой.

Никарета дивилась такому жестокосердию, а между тем она просто-напросто забыла, что почти все односельчане были в должниках у Мназона и отлично знали, что он вполне оправдывает свое имя³⁴ и никому ни лепты не простит. Ссориться с ним никто не хотел, и даже Тауза больше всего заботилась о том, чтобы с нее не требовали пеню, а какому наказанию подвергнут дочь – ей было уже все равно.

Тем временем привели повитуху, которая велела держать Никарету за руки и за ноги и со злорадным проворством удостоверила, что в ее заборе и впрямь была проделана дыра, которой хоть единожды, но попользовался какой-то пролаза.

При этих словах Влазис разразился страшными проклятиями и стал требовать, чтобы все собравшиеся мужчины прямо здесь, на дороге, отымели эту потаскуху, которая его опозорила, причем он, само собой разумеется, хотел быть первым.

Однако тут вмешался староста и заявил, что, если об этом станет известно властям Троады, никому не поздоровится да еще придется откупаться большими деньгами. Не лучше ли поступить так, как предписывает закон?

– Ну и что он там предписывает? – угрюмо спросил Мназон, которому, честно сказать, не было до закона никакого дела. Он отпустил бы Никарету с миром, если бы получил деньги в возмещение своих затрат на свадьбу и ради утешения после принародного позора Влазиса, однако прекрасно понимал, что денег ждать от Таузы не имеет смысла, а потому планировал хотя бы потешить своё и сына уязвленное самолюбие.

Староста, человек красноречивый и любящий щегольнуть своей осведомленностью, разразился длинной речью – к немалому, правду сказать, удовольствию присутствующих, которые, как и все эллины, очень любили слушать умные речи, оттого у них в такой чести во все века были всевозможные омилитэсы³⁵, краснословцы, а попросту сказать – болтуны!

– Итак, – начал староста важно, подражая какому-то афинскому краснобаю, которого ему привелось давным-давно услышать и который произвел на него неизгладимое впечатление, – жена, уличенная в прелюбодеянии, уже не может пользоваться украшениями и посещать общественные храмы, чтобы не портить своим видом женщин безупречных, но если она все-таки преступит сии запреты, то любой встречный мужчина вправе сорвать одежду с ее тела, отнять у нее украшения и избить, однако убивать ее он не должен, ибо за это преступление сам понесет кару.

Тут староста остановился перевести дух и окинуть собравшихся значительным взглядом.

– Я, сограждане, могу сообщить вам еще об одном способе наказания жены-прелюбодейки, – продолжал он. – В некоторых местностях Эллады ее выводят на рыночную площадь и

---

³⁴ Мназон – означает «тот, кто помнит» (*греч.*).

³⁵ Омилитэс – так в народе называли мастеров говорить, людей, обладающих даром красноречия. Риторам называли они себя сами, в своем кругу. Слово «оратор» – латинского происхождения, оно не употреблялось в Элладе.

ставят на большой камень на виду у всех. Там она стоит день, а потом ее заставляют объехать весь город на осле. Потом ее вновь ставят на тот же камень, и с тех пор она должна забыть свое имя и зваться не иначе, как «Проехавшая на осле». Кое-где преступную жену выставляют на агору на одиннадцать дней без одежды, чтобы опозорить ее на всю жизнь...

– Ты говоришь о преступной жене! – перебила его Никарета, наконец-то справившаяся с рыданиями, которыми разразилась после унижительного осмотра, проведенного на виду у всех. – Но ведь я не изменяла своему мужу! Я еще не стала женой Влазиса! И я всего лишь исполнила обряд. Откуда я знала, что вы все лгали нам, юным девушкам, уверяя, будто Скамандр возьмет нашу девственность?! Оказывается, нужно было просто-напросто искупаться в реке. Но разве это называется – отдать девственность, если девушки выходили из воды по-прежнему невинными?! Вы лгали своим дочерям, они лгали вам! А я одна из всех сказала правду! За что же вы вините меня? Может быть, Скамандр воистину принял образ этого красивого юноши, чтобы обладать мною? Может быть, он отпускал девственными всех тех, кто обращался к нему прежде, потому что они не пришлось ему по нраву? Может быть, я первая, чью девственность он взял, ибо захотел меня настолько, что не смог устоять?!

Общее молчание было ей ответом. Чудилось, у всех собравшихся враз отсохли языки – у кого от изумления, у кого – от возмущения. Больше всего, конечно, разъярены были замужние женщины, каждая из которых в свое время непременно отправлялась на берег Скамандра, с большим или меньшим усердием плескала его воду на свой девственный передок или даже заходила на глубину, однако только сейчас услышала горькую правду о том, что божеству до нее и дотронуться-то оказалось тошно и ее девственность ему была без надобности!

Ну как можно вынести такое оскорбление от не в меру осмелевшей распутной девчонки?!

Односельчанки Никареты как раз поглубже вздохнули, чтобы выдохнуть из себя словечки покрепче, да такие, которые заставили бы их мужей побыстрее и побольней расправиться с этой наглой прелюбодейкой, однако голос подал тот самый широкоплечий житель Беотии, который называл себя ваятелем.

– А ведь девчонка права, – задумчиво сказал он. – И когда вы переведете дух и пустите в ход свои мозги – разумеется, если у кого-то из вас они имеются! – вы поймете, что не должны причинить ей никакого зла. Она ведь еще не стала женой этого вашего... как его там...

Беотиец пренебрежительно кивнул на Влазиса и пощелкал пальцами, пытаясь припомнить его имя, но не смог и продолжал:

– Она не изменила мужу, поскольку у нее нет мужа! Более того, вы даже пеню с ее матери стребовать не можете, потому что эта девушка призналась, что утратила невинность еще до того, как совершилось бракосочетание. Она никого не обманула, хотя вполне могла бы прибегнуть к одной из тех многочисленных уловок, на которые так горазды некоторые нечестные девы и их лживые мамы. Вы должны отпустить ее с миром. Это ваш...

Ваятель снова бросил пренебрежительный взгляд на Влазиса, снова пощелкал пальцами, вспоминая его имя, и снова не смог этого сделать:

– Он пусть ищет себе другую невесту, а девушка найдет себе нового жениха. Думаю, с ее красотой и умом она не слишком долго будет его искать. Не сомневаюсь, что мой ученик Аргирос будет первым, кто придет к ней с повинной и посватается! И ей очень повезет, потому что он божественно талантлив, он подобен Пигмалиону³⁶ и давно превзошел меня, своего учителя! Должен вам сказать...

Но больше ничего сказать беотийский ваятель, решивший, подобно старосте, блеснуть своим красноречием, не успел, потому что все собравшиеся набросились на него с кулаками,

---

³⁶ Пигмалион – персонаж античной мифологии, царь острова Крит и скульптор, влюбившийся в статую женщины, которую изваял из слоновой кости. Афродита снизошла к его мольбам и оживила статую. В античных источниках имени статуи нет: Галатеей творение Пигмалиона назвал Жан-Жак Руссо – по имени прекрасной nereиды, морской нимфы.

так что, спасая свою жизнь, он был вынужден бежать столь же стремительно, как незадолго до этого бежал его ученик Аргирос.

Влазис вновь призвал мужчин свершить над Никаретой насилие, и кое-кто уже начал задирать полы своих одежд, а женщины – стыдливо отворачивались и заставляли отворачиваться дочерей, которым, наоборот, ужасно хотелось посмотреть, что же тут будет происходить, – однако, на счастье Никареты, появился старый жрец храма Афродиты, который все это время ждал-ждал свадебную процессию в храме богини, потом устал ждать и вышел на дорогу посмотреть, почему все собрались там толпой и орут на разные голоса.

Жрец этот был человек добрый – особенно когда речь шла о молодых красавицах и их судьбах. Он всю свою долгую жизнь служил в храме и прекрасно знал, что Афродита – далеко не та богиня, которая будет сочувствовать обманутым мужьям или порицать распутных жен, а также дев, которые слишком поспешно развязали свой пояс.

В глубине души жрец всегда насмехался над теми парами, которые искали благословения своему союзу у Афродиты. Ведь это богиня истинной страсти, а какая же истинная страсть может быть между мужем и женой?! Так себе, исполнение супружеского долга! Им бы лучше обращаться к Гере! Та, конечно, тоже знавала сладость любовных объятий... всем известно, что однажды, когда Зевс после какой-то измены явился к ней испросить прощения, их любовное действо длилось не больше, не меньше, как шестьдесят суток!.. Но и это, по мнению старого жреца, было всего лишь старательным исполнением супружеского долга. Афродита же смеется над всяким старанием – она покровительствует пылкости, мгновенной вспышке, которая способна зажечь сердце неистовым огнем, она покровительствует взгляду, который может сразить любовью... Словом, она покровительствует Эросу, который воистину мгновенно поражает сердце своей стрелой, а вовсе не вводит ее медленно и осторожно!

Сердце этого жреца было столько раз пронзено стрелами Эроса, что превратилось в одну сплошную кровоточащую рану – и, конечно, он как никто другой мог посочувствовать Никарете, которая отдалась мгновенному велению страсти. Жрец твердо решил не дать свершиться насилию – и приступил к уговорам с таким усердием и красноречием, что и староста, и ваятель из Беотии показали рядом с ним всего-навсего косноязычными юнцами – чем-то вроде Влазиса.

Жрец вещал, что всякая страсть внушена Афродитой, а значит, решение судьбы Никареты следует предоставить именно этой богине. Ведь с древних времен человек справляет в ее честь праздник жизни! Жрец предложил запереть Никарету на ночь в храме, в небольшой каморке, где он держал свою утварь, которую использовал при совершении священнодействий.

Под двумя замками хранились драгоценные чаши для возлияния благоволий и сосуды с этими благоволиями, лампионы для священных курений и мешки с теми веществами, с помощью которых жрецы разных богов испокон веков входят в священный транс. Также лежали в этой каморке драгоценные ожерелья и браслеты, которые жрец надевал при совершении богослужений, а кроме того, золотые и серебряные монеты, которые он скопил на восстановление порядком обветшавшего храма. Было там еще одно истинное сокровище, однако о нем никто, кроме жреца, даже не подозревал, и он надеялся, что оно так и останется тайной для всех, кроме того человека, который придет ему на смену, да и тому откроет тайну лишь сама богиня – если, конечно, сочтет его достойным своего доверия. Вещь эта принадлежала глубокой, глубочайшей древности...

Надо сказать, что храм Афродиты истинным чудом устоял при разрушении Трои, несмотря на то, что именно Афродита – будем же откровенны! – привела великий град к гибели. Ведь если бы она не пожелала превзойти своих соперниц красотой и получить золотое яблоко, не искусила Париса красотой Елены, не внушила Елене страсти к сыну троянского царя, не заставила ее покинуть мужа и бежать с любовником, кто знает... кто знает, может быть, Троя и посейчас стояла бы на своем месте!

С другой стороны, чем она тогда была бы? Одним из множества городов, чья жизнь течет ровно и сонно и которые своей историей отнюдь не поражают воображение поэтов так, как история Трои поразила воображение великого Гомера!

Словом, храм Афродиты – неведомо как! – устоял во время гибели Трои, но уже обветшал и, пожалуй, готов был развалиться под гнетом полтысячи лет, минувших с того времени...³⁷

Конечно, конечно – кража священных предметов из храма была бы страшным святотатством, конечно, конечно – любой из жителей Троады заявил бы, что он, скорее, руку себе отрубит, чем осквернит ее воровством... Однако жрец по опыту жизни изведal, что человек слаб: блеск золота может не только ослепить его, но и помутить ему рассудок, заставить отрешиться от самых священных клятв...

Оттого этот жрец и хранил свои сокровища под двумя замками.

О крепости этих замков всем было известно, а потому троадцы кое-как смирили свой гнев – ведь они внимали этому жрецу многие годы и привыкли верить, что богиня именно его устами доносит до людей свои желания! – и предоставили Афродите решение судьбы Никареты.

Девушку отвели в храм и оставили в камерке.

Жрец совлек с себя венец из прозрачных адамасов, тщательно отшлифованных еще древними мастерами-космиматополисами³⁸. Как известно, эти камни получили свое название – адамасы, то есть несокрушимые – из-за своей невероятной твердости. Но, кроме того, они были так красивы, особенно отшлифованные и промытые! Жрец, следуя нерушимому обряду, смысла которого сам не знал, тщательно полировал камни перед тем, как надеть венец, и весь день они вбирали в себя солнечные лучи и сверкали в них так, что слепили глаза и радовали сердце.

Жрец уложил этот венец в кипарисовый ларец, где он хранился с тех самых пор, как храм был построен.

И ушел, закрыв за собой дверь.

Никому и в голову не могло прийти, что Никарета может сбежать!

Это было совершенно немыслимо: ведь дверь запиралась накрепко.

Один замок был попроще – на веревочной тяге. Из него свешивалась веревка: чтобы замок закрыть, нужно было сильно дернуть за неё, и тогда полоса металла проникала в паз, выточенный в двери и исполняющий роль скобы. Однако открывался замок только особым бронзовым ключом, который жрец всегда носил на поясе.

---

³⁷ Принято считать, что Троянская война произошла в 1194–1184 годах до н. э., то есть в XII веке до н. э. События же, описываемые в этом романе, случились в VII в. до н. э.

³⁸ Адамас – несокрушимый (*греч.*). Так в древние времена назывались алмазы. Космиматополис – ювелир (*греч.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.